

АКАДЕМИЯ МАГИИ

МОЛКА ЛАЗАРЕВА

ФРЕЙЛИНА
СПЕЦИАЛЬНОГО
НАЗНАЧЕНИЯ

Annotation

Кто такие фрейлины? Красивые девушки, которые вышивают крестиком, пудрят носики и таскаются за королевой? Ошибаетесь! Фрейлины – это те, кто должен прикрыть собой коронованную особу, прицельно попасть отравленной шпилькой в наемного убийцу, суметь определить на запах яд и распутать клубок дворцовых интриг. И учат их этому в Высшей Военной Академии Магии. Именно сюда мне почему-то удалось поступить и... сразу угодить в кучу неприятностей, опасностей и приключений. Я недовольна? Снова ошибаетесь! Ведь отныне моя жизнь уже никогда не будет скучной.

Молка Лазарева

Фрейлина специального назначения

Будьте вежливы с незнакомцами, они могут стать вашим боссом.

Трудоголик-оптимист

Все началось в книжном.

Я стояла у полки с женской фэнтезийной литературой и тщательно выбирала себе очередную «сказку на ночь». Что поделаться, книги я читала быстро, гораздо быстрее, чем хотелось самой. Ни посмаковать, ни насладиться. Открыла, прожевала, проглотила, следующая... Поэтому в книжном магазинчике я была частым гостем.

Миллион раз говорили знакомые: «Заведи электронную читалку, у тебя что, деньги лишние – каждый раз эту макулатуру покупать?»

Но я была упряма и, гордо задрав курносый нос, отвечала: «Электронка – это суррогат, а в настоящих книгах есть что-то живое... Неповторимый запах пыли и свежих чернил...»

Глупо? Я тоже так считаю. На самом деле настоящая причина была в другом.

Просто в этом же магазине работал Виталик, и он мне давно нравился. Поэтому фактически ежедневный ритуал – зайти сюда и купить книгу – стал для меня единственной возможностью полюбоваться на школьную любовь.

И вроде бы я далеко не девочка, уже двадцать пять, но в любви мне отчаянно не везло, то ли потому, что я витала в облаках, то ли потому, что моя настольная литература – женские наивные романы. Ну уж очень хотелось, чтобы все было как там.

Я вертела в руках одну из ныне модных книг серии «Академия магии», вчитывалась в аннотацию и прикидывала, потянет ли мой бюджет двести пятьдесят рублей на очередную покупку. Выходило, что потянет, не выдержать грозила лишь книжная полка дома, на которой подобных книжек уже набралась пара тонн.

– Вам нравится магия? – раздался за спиной старческий голос.

Слегка вздрогнув от неожиданности, я резко обернулась узнать, кто же там такой бестактный и пугает девушек, подкрадываясь сзади в книжных магазинах.

А там обнаружился старичок в шляпе и с тростью. Одет он был по-простому, в духе классической советской интеллигенции – брюки, рубашечка, пиджачок, все в светлых тонах. И седая борода а-ля Хоттабыч. В общем, типичный доктор-профессор лет семидесяти.

– Добрый день. – Я решила, что буду вежливой и честной. – Вы меня напугали.

– Простите, барышня, не хотел, – старичок расплылся в располагающей улыбке. – Вы просто с таким блеском в глазах рассматривали эту книгу, что я не смог удержаться и решил у вас поинтересоваться об одной вещи.

Обычно я с незнакомцами не разговариваю. Время сейчас беспокойное. Но симпатичный «академик» внушал доверие, тем более что плохого, если тематика разговора «книжно-фэнтезийная».

– Ну, если бы магия была по-настоящему, она бы мне однозначно понравилась. Не зря же эти книги в таком количестве читаю, – призналась я.

– И много уже подобной литературы вы осилили? – Глаза дядечки были добрыми-предобрыми.

– Пару сотен точно, правда, в основном это женское фэнтези, но Толкиен и Гарри Поттер в списке прочитанной мною литературы тоже имеются. – Сейчас я откровенно хвасталась, ну захотелось мне почему-то.

– А получить возможность попасть в такой мир вы бы согласились? – задал очередной вопрос старичок и уставился на меня в ожидании ответа.

Вот тут я, признаться, насторожилась. На соц-опрос не похоже, на городского сумасшедшего дядечка тоже вроде не тянет. И к «Хоттабычу» я решила приглядеться внимательнее. А он, словно почувствовав мою неловкость, решил ее развеять.

– Да вы не переживайте так, барышня. У меня просто внучка такими книгами увлекается, вот я и решил поспрашивать у знающих людей. Время сейчас опасное, сект много, вот и боюсь, что по дурости в какую-нибудь «магическую» церковь Шестого Христа попадет.

Такое объяснение ситуации меня вполне успокоило и вдохновило на честный ответ.

– Конечно, я бы хотела и с радостью бы стала попаданкой, студенткой какой-нибудь Магической школы, но только при условии счастливого окончания. Чтобы как в книге – с принцем на драконе или на другом летающем динозавре.

Нет, над дедушкой, отвечая подобным образом, не издевалась. Я действительно так думала, но язвительные нотки в голос все же добавляла, просто ради проформы. Чтобы не подумал «академик», что я сама из пресловутой секты, да и стыдно было откровенно в таких желаниях признаваться. Хотя готова поспорить, все девушки об этом мечтают, только рассказывать не хотят. И, добивая свою речь, я саркастично выдала дедушке финальную правду-матку:

– Поэтому если ко мне прилетит сова из Хогвартса или еще откуда, я с радостью соберу шмотки и отправлюсь навстречу приключениям!

Своим ответом я осталась довольна. Как на духу все сказала!

– Вот и славненько! – неожиданно обрадовался дедушка. – Это же прекрасно, Элечка, что вы морально готовы к нашему путешествию.

– Чиво-о-о??? – выронила челюсть я.

Во-первых, мне вдруг стало страшно, потому что «академик» назвал мое имя, во-вторых, к какому еще путешествию? Меня что, похитить хотят?

Паника. ПАНИКА! ПАНИКА!!!

Я заметалась взглядом по книжному магазину в поисках хоть чего-нибудь тяжелого. Не знаю, что я хотела найти, но создать иллюзию действия сейчас мне показалось жизненно необходимым. Например, захотелось сбежать.

Позади своей пятой точкой я уткнулась в книжную полку, впереди же маячил и смотрел на меня все такими же добрыми-предобрыми глазками «Хоттабыч». Зато по бокам путь отступления был свободен. Не придумав ничего лучше, чем метнуться в сторону выхода из магазина, я сначала запуталась в собственных ногах и растянулась на полу, не преодолев даже метра. Но, бодро вскочив и не чувствуя боли от удара в коленках, продолжила свое позорное бегство из магазина. Ровно до пищащих рамок. Поэтому, едва я успела их пересечь, они выдали ультразвуком все, что думают обо мне как о гадкой воровке. А все из-за того, что книжечка «Академия магии» еще находилась в моих руках. И вот теперь наступил пресловутый трындец – выход из магазина окончательно и бесповоротно мне заслонил внушительного вида охранник, а позади ко мне на двух ногах и тросточке ковылял старичок-интеллигент.

А я стояла, дрожала и не могла пошевелиться. В мыслях назойливо крутилось: «Эллечка, ты эпичная дура! На фига так резко дергаться-то было, могла сделать все тише и аккуратнее!!!»

– Не могла, – прозвучал вслух над ухом знакомый старческий голос. – Все равно бы догнал. Тем более, какой тебе смысл дергаться? Хотела магии – будет тебе магия.

«Блин, он еще и мысли читает!»

Прохладная рука старика легла на плечо.

И я вдруг отчетливо поняла: сейчас меня будут телепортировать. И точно. По всем законам жанра вокруг закрутились разноцветные искорки. А потом БЕМС, и лицо охранника магазина, стоящего передо мной, осталось где-то за кадром.

А я испарилась в неизвестном направлении, видимо, навстречу приключениям.

Так вот... Все началось в книжном....

Закон всемирного тяготения работает, как правило, в тесном контакте с законом подлости.

Илья Родионов

Лежу...

Явно на чем-то не очень мягком, но и не каменном. Интересно, когда я успела вырубиться?

Тэкс, открываем глазоньки и начинаем рассматривать, куда занесло мое брренное тело.

Взгляд сразу наткнулся на зеркальный потолок, в котором во всей красе отражалась я, лежащая на тахте, растрепанная, но в целом вполне невредимая. На голове вместо аккуратно уложенной прически – очумелое воронье гнездо ржавого цвета, на лице бледненькие щечки, но, слава богу, без веснушек, а еще голубые глазоньки припухли, как от аллергии, хотя виноваты явно линзы, в которых я неизвестно сколько провалялась здесь без сознания... Вот такая вот я Элечка – генетическая аномалия – голубоглазая, бледная и рыжая.

А насчет вороньего гнезда все же интересно, это меня током шарашнуло или на телепортацию у всех людей такая реакция?

О, точно... Телепортация... Меня ж того... Типа похитили... Прикольно!

Радовало, что реагирую я теперь не в пример адекватнее, чем в книжном. Мой мозг, кажется, все же заценил перспективы, проанализировал мою «телепортацию» и теперь ожидал кого-нибудь, кто сообщит прекраснейшую новость: «Эля, вы теперь попаданка. И мы будем учить вас магии».

Хочу-хочу-хочу!

– Дяденька... – решила я, не вставая с тахты, позвать ну хоть бы и «Хоттабыча». Телепортировал-то меня сюда он, значит, и крутиться должен поблизости.

По закону жанра на мой зов, конечно же, никто не явился. Ну и ладно. Мы принимаем правила игры вашей сказки: будем обалденно героическим персонажем и пойдем на разведку сами. И эм... кто это мы? Интересно, с каких пор я начала о себе во множественном лице говорить?

Но, махнув рукой на очередной заскок психики, я решительно сначала села на тахту, а потом бодренько с нее встала. Ведь надо не только рассмотреть все, что вокруг находится, но и по возможности потрогать.

Собственно, находилась я в помещении а-ля кабинет психолога – тахта, рядышком с ней большое глубокое кресло и ложный камин у стеночки. Почему ложный? Да потому что есть сейчас такая модная фишка в интерьере – делать «типа камин» и вместо нормального огня разжигать в нем большие напольные свечи. Вот и в этом кабинете присутствовала такая кастрированная жертва дизайнерской мысли. А еще были два стеллажа с книгами и окошечко. Большое такое окошечко, забитое с обратной стороны то ли ставнями, то ли просто досками. В общем, свет через эту «отдушину в мир» в комнату не поступал.

Окидывая взглядом странное помещение, я вдруг подумала: а может, меня на фоне «магического помешательства» в психушку упрятали? Тахта еще эта...

Решив либо подтвердить свои сомнения, либо опровергнуть, доверилась самому

надежному познавательному источнику в мире – книгам. Смело направилась к стеллажам, в надежде, что не найду там справочников в духе «Как завязать смирительную рубашку» или «300 способов самообороны от шизофреника».

Каково же было мое удивление, когда увидела на полке не настольные книги психиатра и даже не древние фолианты с тайными магическими знаниями, а МОИ фэнтези-романы из дома. Вот серия про brutальных мальчиков-вампиров, спасающих невинных девушек из лап оборотней, вот напумевшая трилогия «48 кошек сильной и независимой женщины», а вот и злосчастная «Академия магии», стоит себе с краешку на полочке, скромненькая такая книжечка. И не скажешь по ней, что украденная и я теперь из-за нее воровка.

М-да... странности.

Побродив по комнате еще минут пять и не найдя в ней ничего интересного, я решила, что морально готова к исследованию и покорению мира внешнего, а именно – того, что находится за дверью моей нынешней обители.

Решительно направившись к выходу, я уверенно дернула дверную ручку и была абсолютно готова, что сейчас внешний мир стопроцентно ляжет к ногам своей покорительницы – т. е. моим. Но тут ждал огромный обломинго.

Дверь была закрыта.

Вот и приплыли... Настроение сдулось, как воздушный шарик на неудавшейся вечеринке.

– Эй, вы! – заголосила я что есть силы, стуча кулаками о деревянную поверхность. – А ну-ка выпустили меня отсюда! Я юридически свободный человек, и вы не имеете права ограничивать мою свободу!

Ничего себе я выдала, сама в шоке...

В общем, билась я в дверь так минуты три, пока не поняла – бесполезно! На мои истерические вопли явно никто не явится, а значит, надо поступать, как завещал великий дедушка Воланд: «Никогда и ничего не просите! Никогда и ничего, и в особенности у тех, кто сильнее вас. Сами предложат и сами все дадут».

А раз так, то сидим и не рыпаемся.

Ну вот, опять это «мы»... Эй, психика, я тут вроде как одна тусуюсь, или ты меня решила поддержать раздвоением личности?

Психика ответом не удостоила, и я решила меньше паниковать. И вообще, раз тут мои книги, буду коротать время за полезным для ума занятием. А именно – чтением.

Где там эта злосчастная «Академия магии»?

Я решительно направилась к стеллажу, чтобы взять свой ворованный «трофей». И уже почти протянула руки к заветной книжице, когда увидела шедевр отечественной литературы, которого в моей библиотеке никогда не числилось. «Большая советская энциклопедия. Том 10» – увесистый такой фолиантище, готова поклясться, раньше его на полке не стояло.

Без раздумий схватив с полки эти пять килограммов познавательного чтива, я сначала офигела от тяжести, а потом, открыв саму книгу, офигела от написанного на форзаце:

«Элла Константиновна! Рады сообщить, что мы хотим сыграть с вами в ИГРУ!...»

– Ой, мамочки! – пискнула я и ужаснулась от пришедших в голову жутких мыслей. Кажется, меня похитили сумасшедшие фанаты фильма «Пила». Спасибо, хоть не приковали к тахте и наркотой не накачали!

«За один час вам предстоит разгадать пять загадок! Если вы все сделаете правильно, то в конце пути получите заслуженную награду – ключи...»

– От квартиры, где деньги лежат, – гневно бормотала я, читая записку дальше.

«...от двери к свободе! Час отсчитывается с момента вашего пробуждения в этой комнате!»

И все?!

Больше никаких напутствий маньяки в письме не оставили, только кракозябра, похожая на раздавленную букашку, вместо подписи.

Отлично, просто зашибенно! Меня заперли в комнате, предложили сыграть в ИГРУ, разгадать загадки, а если не разгадаю, то что?!

Где устрашающий фактор, который должен меня мотивировать?

Словно прочитав мои мысли, раздавленная кракозябра изменила форму и, превратившись в кучу буковок, расползлась по форзацу:

«Не успеешь – из комнаты не выйдешь никогда... Вообще никогда!»

О! Вот это отличная мотивация! Бегом, бегом!

Где там ваши загадки?

Я перевела взгляд на часы, висящие на стене, и поняла, что минут двадцать пять из отведенного после пробуждения времени я благополучно прошляпила.

– Эй! Энциклопедия! Давай играть в твою Игру, где моя загадка? – громогласно прокричала я на всю комнату, энергично встряхивая фолиант за обложку в надежде, что из кучи страниц что-нибудь вывалится.

Ни фига, блюдечка с золотой каемочкой не появилось, загадки тоже...

– Ну и где? – обиженно протянула я. – Время-то идет. Только не говорите мне, что текст загадки я тоже сама должна искать.

Вновь отвернув форзац «Большой советской», я понадеялась на раздавленную «кракозябру», авось еще в какие предложения сложится. Но и тут полный облом.

– Так, Эля, давай спокойно, – начала рассуждать вслух. – Если тебе ничего не говорят и больше не предлагают, значит, все необходимое ты уже получила. А раз так, берись за голову и думай, где могут быть загадки.

Я присела на краешек тахты и стала более вдумчиво вертеть в руках томик энциклопедии. Если не на форзаце, то, может, на полях подсказки найду.

Понятное дело, что рассматривать почти тысячу страниц времени у меня не было, поэтому книга подверглась беглому перелистыванию. Десятый том, содержащий в себе кучу информации, от Венгрии до Вильно, поражал своей объемностью и бесполезностью.

И тут мой взгляд за что-то зацепился.

Среди кучи слов на третью букву алфавита появились «экскаваторы», «эхо», «эклектика» и другие слова явно не из этого тома. В надежде на чудо я торопливо начала отлистывать страницы назад, чтобы понять, когда же произошла такая разительная перемена в содержании. И вот оно!

Четырехсотая страница начиналась долгожданной загадкой:

«Это дается человеку трижды: первые два раза бесплатно, а за третий нужно заплатить».

М-да...

Я честно ломала голову над загадкой целых пять минут, пока не поняла, что зря теряю время.

Нет, ну а чего я ожидала, детсадовского задания про два конца и гвоздик посередине?

Перебор ответов по каким-то философским темам результатов тоже не дал. Жизнь? Смерть? Старость? Вечность?

Все не то.

Воображение уже обрисовало мой будущий труп, который останется навечно в этих стенах. Прямо вижу: милый скелет, в весеннем белом платье, с пустыми глазницами, съехавшей набок челюстью, запыленными зубами... Картина Репина маслом!

Хотя стоп!

Кажется, мой гениальный мозг все же нашел разгадку.

Зубы – молочные, постоянные – их природа дает бесплатно. А вот все остальные: выпавшие, вставные, золотые – за денежки.

Ай да я! Ай да молодец!

Но радовалась я недолго, ровно до того момента, пока не взглянула на часы. У меня осталось двадцать минут и еще четыре загадки, которые неизвестно где искать.

Здрavo рассудив, что Игра несет характер квеста, я решила через ответ на первый вопрос поискать вторую загадку. А значит, сейчас в этой комнате мне предстоит найти либо вставную челюсть Йорика, либо справочник стоматолога, ну а дальше понять, что даст находка.

Нехватка времени придавала мыслям бешеное ускорение. Теперь я бегала, суетилась, скидывала со стеллажей книги, прощупывала и разбрасывала подушки, ползала по полу, засовывала нос во все пыльные и непыльные углы. Тик-так, Эллочка! Бегом-бегом!

И мои поиски удались! На одном из камней кладки лжекамина я обнаружила рисунок забавного такого графа Дракулы. Вампира словно ребенок рисовал. Вышло карикатурненько – огромные зубы, клыки больше чем голова, два красненьких глаза, тоненькое тельце и развевающийся плащик. А еще граф правой рукой указывал направление на большие напольные свечи.

О, чудненько!

Тщательно осмотрев парафиновые изделия и не найдя ничего особого, я пришла к выводу, что их надо зажечь. Ну а что еще со свечками делать!

Спички, слава богу, оказались рядом. Что ж, один росчерк – и маленький теплый огонечек пляшет и коптит, растапливая податливую массу. Будь я не в такой спешке, стопроцентно бы умилилась и насладились прелестной романтической обстановкой. Но сейчас у меня намечены другие планы.

Если свечи зажигаются, значит, это зачем-нибудь нужно! А раз так, я схватила самую маленькую из них и пошла в обход по комнате.

– Если не успею разгадать все загадки, сожгу тут все на фиг! Какая разница! Мне же будет все равно как помирать. А так хоть ярко и с веселой искоркой! – бубнила себе под нос.

Теперь перед воображением предстал скелетик, обугленный, подкопченный, со спаленными лоскутами когда-то белого платья... Не радужно!

И вот хожу я по комнате со свечой... Можно еще «Отче наш» почитать, ну или что-нибудь за упокой души рабы божьей Эллы Константиновны Савойкиной!

А вообще, я очень надеялась, что все будет как в классическом шпионском фильме и отблеск моей свечи осветит на какой-нибудь стене скрытую надпись с загадкой. Но вспомнив, что подобного рода записки видны в ультрафиолете, поняла, что пошла по ложному следу.

А еще осознала – не успеваю... Оставалось десять минут, а потом, если верить угрозам «кракозьябры», меня ждет пожизненное заточение в этом кабинете психиатра. И тут я разозлилась...

Терять-то мне нечего! А раз так, то к черту все дурацкие загадки! Мы пойдем ва-банк!

Поставив свечку обратно в камин, я принялась обстукивать стены помещения. Авось повезет. Но нет...

Стены явно каменные и толстые, но еще оставалось неосмотренное окно... заколоченное снаружи досками...

Вначале я бесстрашно кинула пятикилограммовый томик энциклопедии в стекло. Было тяжело, но дурная голова даже танк сдвинуть может. Раздался звон разбивающегося стекла и разлетающихся по комнате осколков.

Феерично! Даже представить не могла, что такой беспредел может доставить столько радости.

Критично осмотрев свои легкие босоножки на трех тесемках, я аккуратно пошла в них по битому стеклу. Ничего страшного, йоги вот вообще босиком ходят. Даже если порежусь, пережить эту катастрофу точно смогу!

Дойдя до теперь уже пустующей оконной рамы, я перешла к решительному ощупыванию материала, которым был заколочен возможный путь на свободу.

Находка меня обрадовала – досочки, плотно подогнанные друг к другу, судя по той легкости, с которой они поддавались нажиму, оказались довольно хлипкими. А раз так, то и думать тут нечего – будем крушить!

Пару раз неудачно замахнувшись многострадальной энциклопедией и чуть не выломав руку, я бросила это дурное занятие и решила придумать что-нибудь поэффективнее.

В голову упорно лезла картинка, где спецназовцы штурмуют здание и, спускаясь на веревках, по принципу маятника, ногами вперед, эффектно влетают в выбитые окна. Покосилась на коварную минутную стрелку, настойчиво намекавшую: мол, у тебя две минуты, детка, дерзай!

– Эх, была не была! – ухмыльнулась я своему коварнейшему плану. – Я очень надеюсь, что с той стороны меня ждет не бездонная пропасть.

Всегда мечтала покататься на занавесках!

Критически осмотрела местные шторы – хорошие, добротные, плотные! Подергала на предмет прочности крепления к карнизу – на один рывок хватить должно! Катаются же маленькие дети на таких, значит, и я смогу!

Надо только встать куда-то повыше и разогнаться получше! Брать разбег по стеклам я не рискнула, поэтому, передвинув тахту вплотную к оконному проему, пришла к выводу, что она станет прекрасным подиумом для моего взлета.

Забравшись на свое бывшее ложе с ногами, скинула босоножки на пол – босиком

отталкиваться будет сподручнее. Притянула к себе штору, намотала ее на руку, еще раз сильно дернула, проверяя, выдержит или нет. Перекрестилась... И с криком: «БАНЗАЙ!!!» протаранила пятками хлипкие доски, отделявшие меня от внешнего мира. А дальше случилось то, чего я так боялась.

Во-первых, заграждение я не просто снесла, а вынесла окончательно, сразу оказавшись всей своей тушкой снаружи. Во-вторых, меня ослепило ярким солнечным светом. А в-третьих, карниз все же не выдержал, и в самой высокой точке моего полета я оторвалась от опоры и понеслась приземляться пятой точкой куда-то вниз!

Полет был недолгим, от силы метра два, и со стыковкой во что-то мягкое!

Осоловело хлопая глазами, я ошарашенно ощупывала перину, на которую приземлилась, и, наверное, радовалась... Потому что выбралась из этой комнаты. Пусть не через дверь, но все же. Сажу на большом мягком матрасе во дворе какого-то дома, вокруг поют птички, ярко светит солнышко, а еще бабочки перед глазами так и летают.

– Пятьдесят девять минут и сорок семь секунд! – громогласно провозгласил кто-то.

Я повернула гудящую после удара голову в сторону голосащего. Вообще странно, ударились попой – гудит голова! Наверное, у меня мозг реально не в положенном месте находится! Ведь за окошком могла быть пропасть, колья, скалы, да что угодно, в конце концов! И, прежде чем прыгать, надо было посмотреть, куда придется приземляться.

– А по-другому бы и не пробила. Там стоит ограничивающее заклинание, преодолеть которое можно сразу и всем телом. Иначе никак! – Мужской голос, говорящий все это, показался смутно знакомым.

«Хоттабыч»! Прибью гада!

– Эй, вы! – завопила я, срывая голосовые связки. – Да по какому праву вы все это затеяли? Что за бесчеловечные эксперименты?!

– Кажется, за своей истерикой ты пропустила интересное для себя слово «заклинание», – спокойно ответил мне дедок.

Сейчас он стоял передо мной и приветливо протягивал руку, чтобы помочь подняться с мягкой перины. Боясь очередного подвоха, встать решила без посторонних. Ничего, молодая, справлюсь.

Встав и отряхнувшись от неведь откуда налипшей на меня пыли, я гневно измерила взглядом старика. А ведь внешне «академик» изменился. Причем сильно!

Исчезли многочисленные морщины, волосы уже не такие седые, тросточки нет. И одежда! Мне чудится или на нем мантия в военную маскировочку цвета хаки?

– А вы, простите, кто? – набралась храбрости и спросила я.

Широкая улыбка расплылась по лицу «Хоттабыча».

– Декан факультета фрейлин в Высшей Военной Академии Магии – Арвенариус Преображенский. И спешу вас поздравить, вы только что поступили к нам на обучение!

Ч-И-В-О? Я ослышалась?

– Какого факультета? Какой академии? – воскликнула я визжаще-срывающимся голосом.

Старичок скривился от моего ультразвука и уже недобро так на меня взглянул. И гаркнул:

– Отставить истерики!

Я аж снова присела на перину, но, спохватившись, торопливо вскочила на ноги и выслушала гневную тираду.

– Элечка, вы хотели магию? Хотели ей учиться? Так?

– Ага, – кивнула головой. – Правда, я как-то по-другому себе это представляла.

– Не «ага», а «ТАК ТОЧНО»! Повторите!

– Так точно!

Стою растерянная и непроизвольно начинаю вытягиваться по струнке «смирно».

– Так вот, спешу вас обрадовать, Элла Константиновна. Ваша мечта сбылась. Вы поступили! И не просто куда-нибудь, а в военную академию. Если отучитесь до конца, станете почетной фрейлиной Ее Величества. У нас престижное заведение, мы подготавливаем кадры для охраны высших кругов аристократии...

– Но фрейлины, они же... ну, там, платица красивые носят, румяна красиво накладывают, – робко высказала я.

– Молчать! – снова рывкнули на меня. – Команды «голос» не было! Кому нужны пудрящие носик фрейлины? Правильно, никому. Фрейлина должна уметь защитить свою нанимательницу. Укрыть ее от заклинания собственным телом, расшвырять убийц, скрутить воров, определять яды на запах – вот что делает фрейлина! А не то, что ты перечислила!

Я медленно подняла ладошку вверх в надежде задать Преображенскому вопрос. Вот уж, блин, говорящая фамилия, куда подевался добрый «Хоттабыч»? Верните его обратно!

Смиловавшись, дедок кивнул, разрешая мне вкнуть по теме.

– Но ведь все, что вы сказали, это работа спецназа, а я хрупкая девушка.

– Когда ты в окно на шторе выпрыгивала, на хрупкую ничуть не похожа была. Разгадала бы загадки, поступила бы к аналитикам, а если ногами и через окно, то только фрейлиной, особого назначения!

«Ежкины блошки... я, кажется, хочу домой!»

– Хотела бы домой, осталась бы в комнате, – уже не в первый раз прочел мои мысли Арвенариус. – От стирания памяти еще никто не умирал! А раз так, то назад пути нет! Радуйтесь, Эллочка, ваши мечты стремительно сбываются!

* * *

Как там обычно пишут в женских романах?

Академии расположены в прекрасных величественных замках, с кучей высоких каменных башенок, с бойницами по стенам, развевающимися флажками на ветру. А еще обязательно должен быть сад с невиданной красоты фонтанами, статуями и вековыми деревьями. Если нет сада, то лес или побережье с уходящим вдаль морем или океаном. И моя комната обязательно должна выходить окнами на самый чудесный вид, чтобы вечерами я наблюдала за закатами и томно вздыхала о своей тяжелой судьбинушке.

«Ага, щаз! Размечталась ты, Эллочка! Подбери амбиции и внимательно слушай, что тебе вещает “Хоттабыч”!»

С такими мыслями я шла по полю за своим деканом Арвенариусом. Компанию нам составляли еще пять девушек, таких же поступивших «абитуриенток», как и я. И направлялись мы к стационарному телепорту, который должен был переправить нас в засекреченный и скрытый от чужих глаз горный бункер, где нет входов, выходов, окон, садов, леса и других атрибутов нормальной академии. Пока мы шли, декан читал вводную лекцию. Вопросы задавать было нельзя, разрешалось только молча плестись за старичком и внимать его мудрости.

– Высшая Военная Академия Магии – старейшее учебное заведение в Двадцати королевствах. Одно из немногих, гарантирующее безопасность от внешних угроз своим курсантам. А все почему? Да потому, что местоположение нашей альма-матер строго засекречено. Множество врагов и заговорщиков во все времена мечтали уничтожить, спалить, сровнять с землей этот оплот подготовки защитников. Сделать все что угодно, лишь бы помешать выпуску наших специалистов – фрейлин, телохранителей и аналитиков. Поскольку в будущем от таких, как вы, дамы, будет зависеть не только безопасность одной-единственной коронованной особы, но и, возможно, всего королевства.

Мы шли по неровному, заросшему высоченной травой полю, идти было неудобно, а кроме того, еще и больно. Из всех девчонок я единственная шла босиком. Босоножки так и остались лежать в том злосчастном кабинете психолога, остальным абитуриенткам повезло больше. На крашеной блондиночке блестели новенькие беленькие кроссовки, еще на одной счастливике с разноцветными волосами (жертва пьяного парикмахера) и кучей пирсинга по всему лицу красовались зашнурованные армейские берцы. А вот милую девушку-пампушку с Крайнего Севера было жалко. Не знаю, где ее достал Арвенариус, но одета она была в пуховый платок, шубу и валенки, которые, несмотря на тридцатиградусную жару, царившую вокруг, отказывалась снимать. Девушка пыхла, обливалась потом, но упрямо шла по высокой траве в своей амуниции. Я косилась на нее с жалостью, а вот некоторые девчонки мерзко подхихикивали над беднягой.

– А ну прекратите! – шикнула я на двух клуш, уже явно спевшихся друг с другом. Типичные гламурные курицы, непонятно вообще, как сюда попали, неужели тоже ногами вперед и через окно?

Я покосилась на их высокие шпильки, увязавшие в земле, а потом на сбитые коленки, укрывавшие обеих.

«Ага, туфельками жалко было, решили коленками», – вдруг одолела меня внутренняя злость. Вечно всякие тупые дуры себе бонусы на коленках выбивают. Фу, аж тошно!

На мою реплику курицы не отреагировали, но заржали еще громче, теперь уже над моим загрязнившимся белым платицем. Но высказаться я не успела.

– Разговорчики в строю! – Новый рывк заставил вздрогнуть. «Хоттабыч» бушевал: – Вас отобрали среди сотен претенденток на место! Вы успешно прошли испытания и не заставляйте меня сейчас проводить дополнительное отсеивание!

Не знаю, как на остальных, но на меня угроза подействовала. Куда бы ни вел нас этот старикан, но не попасть в Академию по собственной дурости – для меня непозволительная роскошь. Остальные девчонки тоже притихли, только полненькая с севера шумно пыхла от жары.

– Отлично! Пошли дальше, до телепорта всего километров десять осталось, – оптимистично так заметил Арвенариус и прибавил шаг.

«Сколько? Десять? – захотелось заорать мне, но вовремя прикусила язык. – Да хоть двадцать, жива буду!»

– В этом году для поступления на наш факультет фрейлин было открыто всего пятнадцать мест. Пятеро набираются из вашего Внешнего мира, остальные десять из наших Двадцати королевств. Но так как вас сейчас на одну больше, чем необходимо, до телепорта дойдут не все. – «Хоттабыч» сделал многозначительную паузу, нагнетая обстановку. – А все потому, что по прибытии на территорию Академии каждая из вас пройдет распределение, в конце которого будут сформированы тройки – по две девушки из нашего мира и одна из

Внешнего. На ближайшие пять лет тройка будет вашей семьей, другом, товарищем и поддержкой. Если одна из троих в процессе обучения будет исключена, то две остальные девушки отправляются вслед за ней. Никаких поблажек или снисхождения в этой системе нет и не будет.

Я шла по полю, прикусывала губы от боли, потому что трава исколола и изрезала мои ноги в кровь – и самое дурацкое, «Хоттабыч» это видел, но делал вид, будто ничего не замечает. Я постоянно ловила его любопытствующий взгляд, который оценивающе проверял, жива я еще, тащусь ли еще и не пишу ли от боли. Но я молчала. Потому что приняла правила этой игры. Начну возмущаться, и до Академии меня не телепортируют. А поэтому – молча иду вперед и кусаю губы.

– Пс-с-с, – пыхтящая девочка в шубе незаметно толкнула меня пальцем в бок.

Я вопросительно посмотрела на нее, разговаривать же в строю нельзя. Хотя на строй мы сейчас точно не похожи, так, шесть баб, хаотично следующих по бескрайнему полю за дядькой в мантии цвета хаки.

Нелепым движением, на ходу, прыгая на одной ноге, девушка начала снимать с себя сначала один валенок, а потом второй и протягивать мне.

Я отмахивалась и отнекивалась, мол, а сама-то ты как пойдешь после этого.

Пампушечка, понимая мои сомнения, так же молча указала мне на свои ноги, и я увидела...

«Божечки, бедненькая, как же ты шла-то по жаре такой?!»

На ногах девушки красовались толстые шерстяные носки до колена. В таких носках никакие валенки не нужны.

Поэтому обувку я приняла. По моим прикидкам идти было еще долго, а если помощь мне предложили, то отказываться глупо.

– За то, что от этих «куриц» меня пыталась защитить, – одними губами прошептала моя спасительница.

Надев валенки, я испытала противоречивые чувства. С одной стороны, по размеру они немного маловаты и в них жарко, а с другой стороны, я больше не ощущала режущей травы. И, о да, это было прекрасно!

Разноцветная в берцах наш маневр оценила и, показав нам одобряющий жест – большой палец вверх, расплылась в довольной улыбке.

Просто ей от тупых гламурных «куриц» тоже перебивка косточек досталась, и теперь по ее пирсингованному лицу блуждали явно недобрые планы будущей мести.

Вот так и шли вшестером, и каждая знала, что дойдут только пятеро.

«А давайте вы двух этих куриц лучше выгоните? – так и хотелось предложить «Хоттабычу» альтернативу. – Ну зачем вам такие коленотравмированные барышни в приличном учебном заведении? Вы же не куртизанок на улицу красных фонарей готовите? Вы только посмотрите на их накачанные силиконом губы, нарощенные ресницы и отсутствие печати ума на лице».

Шла я такая в валенках по полю, в грязном белом платье, мысленно злословила, и тут... БАЦ!!!

– Все, мы пришли, – заявил декан.

Пока я тупила и понимала, что сейчас одну из нас выкинут на фиг, крашенная блондиночка удивленно воскликнула вслух:

– А как же десять километров?

«Ой, дура! – ну зачем же...» – Я аж скривилась, прям обидно. Потому что поняла, кого сейчас отправят домой. Ну не разрешал нам «Хоттабыч» говорить, не было команды «голос».

– Эля, – «Хоттабыч» пристально посмотрел на меня. – У тебя такое говорящее выражение лица, наверное, есть что сказать.

«Блин, вот у кого-то язык враг, а у меня еще и фейс!» Но делать нечего, ко мне же обратились, значит, надо ответить. И нет бы ответить: «Никак нет, сказать мне нечего!», но повышенное чувство справедливости, видимо, тоже мой злостный враг.

– Ну, я... – промямлила я, подбирая слова, чтобы как-то выгородить блондинку.

– Что ты? – с ехидным выражением лица подбодрил Преображенский.

– Не выгоняйте ее, пожалуйста, – решила все же выговориться, указывая в сторону блондинки. – По ней же видно, что она хорошая. И всю дорогу молча шла, не жаловалась, дисциплину не нарушала. Ну, под конец только не сдержалась и лягнула. Каждый ведь может оступиться!

Все девчонки уставились на меня как на очумевшую, даже «курицы» рты раззявили.

– А ты с чего вообще взяла, что я ее выгонять буду? – елейным голосом спросил «Хоттабыч».

– Так вы сами сказали! – Теперь уже я ничего не понимала и начала чувствовать себя полной дурой.

Сделав неуловимое движение рукой в сторону блондинки, декан факультета фрейлин прищелкнул пальцами, и с той словно маска начала сползать.

За несколько мгновений обычная среднестатистическая, выкрашенная и ничем не примечательная девица стала превращаться в эдакую секс-бомбу. Ну, Памела Андерсон, ей-богу. Сейчас перед нами стояла мечта любого садомазохиста – высокая, с пятым размером груди блондинка, одетая в облегающий комбинезон из черной, как смоль, кожи, в высоких ботфортах на двадцатисантиметровой платформе и с огненной плетью в руках.

«Очуметь! – ну а больше слов нет. – Это кто такая? Эй, челюсть, вернись на место!»

– Позвольте представить вам преподавателя физкультуры в нашей Академии – Трою Александровну. Здесь она с нами в качестве сопровождающей, члена приемной комиссии и охраны. И ах да, девушки, теперь можете задавать свои вопросы.

УГУ! У меня вот уже двести вопросов, и первый – у ВАС ВСЕ ПРЕПОДЫ ТАКИЕ? Просто каждая выпуклость Трои, обтянутая в черную кожу, ярко переливалась на солнышке бликами, подчеркивая эту и без того выдающуюся натуру. И второй вопрос: чему нас может такая учительница научить – у шеста ходить?

Видимо, подобные мысли были у всех, и только гламурные курицы отличились:

– А это такая униформа в Академии? – спросила кучерявая брюнетка в розовой кофточке и с отвратительно глубоким вырезом декольте. – А нам такую выдадут?

Троя скептически смерила взглядом сначала первую гламурную глупость, а потом ее подружку – такую же брюнеточку в ярко-зеленой футболке, только волосы у этой были выпрямлены и залиты ведром лака.

– Мне они не нравятся, – указывая плетью на «куриц», обратилась преподавательница к Преображенскому, – сдохнут же после первого марш-броска. Неужели повыносливее никого не нашлось, вот хотя бы как эта, – кивая на разноцветную в берцах. – Или эта? – на мою спасительницу-пампушку.

Меня характеристикой Троя обошла, и это, несомненно, обрадовало, что-то показалось мне очень опасным в шикарной даме. В чем я тотчас же убедилась.

Неожиданно фигуристая красотка напряглась, принялась, отчего ее прекрасный тонкий греческий носик пошел морщинками, а затем, резко развернувшись на сто восемьдесят градусов, оттолкнулась с невероятной силой от земли, сделала в воздухе тройное сальто и приземлилась в пяти метрах от места, где только что находилась.

Приземлилась эффектно, на одно колено, а затем резко выбросила свою огненную плеть вперед. Обжигающие хвосты оружия взмыли в воздух, настигая и закручиваясь вокруг еще недавно невидимого мужчины. Послышался отчаянный крик боли.

Поймав единожды в захват, плеть отказывалась расставаться с жертвой без указа на то хозяйки. Поэтому сейчас незнакомый мужчина корчился от боли и ожогов, которые ему ежесекундно дарило огненное оружие.

Троя подошла к добыче, скептически осмотрела незнакомца, извивающегося у ее потрясающе стройных ног, и равнодушно произнесла:

– Господин Арвенариус, кто подготавливал безопасность этой площадки для телепортации?

– Глеб, кажется.

– Понятно, – загадочно протянула физкультурница. – Значит, опять своих зелий в лаборатории нанюхался и все самое важное прошляпил.

– Что поделать, дорогая Троя, – грустно пожал плечами декан. – Глеб у нас натура творческая, с ним бывает. В следующий раз поручу либо вам, либо Эридану.

– Все равно и года не проходит, чтобы какой-нибудь лазутчик не пробрался на поляну. – Преподавательница намеренно потянула плеть на себя, тем самым заставляя ту еще больше раскалиться на коже мужчины. Послышался жалобный скулеж. – С этим что делать? Как обычно?

Декан кивнул и, видимо, вспомнив, что все это время здесь еще находимся и мы, решил чуть-чуть прояснить ситуацию.

– Небольшой экскурс в реалии нашего мира. Сейчас вы наглядно увидели, зачем нужна охрана при проведении вступительных испытаний для иномирян. Потому что, как только вы поступили в нашу Академию, вас будут мечтать убить за ее пределами. Некоторые бандиты даже девиз придумали: «Убил курсантку сейчас – облегчил покушение на королеву потом». Поэтому если кто-то хочет отказаться и вернуться домой – мы не удерживаем.

Его и без того шокирующую речь решила дополнить Троя:

– Обучение у нас сложное, где-то опасное для жизни, до конца доходят не все. Максимум половина. Но если доживете до выпуска, поверьте, у фрейлин очень интересная жизнь. Сама работала, я вам дурного не посоветую.

И, словно добывая образ прекрасной фрейлины, одним движением свернула незадачливому лазутчику голову.

«Прелесть! Кажется, из меня хотят сделать Рембо в юбке!»

Одна из гламурчатых, та, что с прямыми волосами, не выдержала зрелища и рухнула в обморок.

– Ну, я же говорила, что не выживут эти, – кивая на «курочек» в очередной раз, радовалась своей правоте Троя. – Арвенариус, ну давайте их двоих отправим на родину. Помрут же. Я их потом от скал отскребать не буду, если самоубиться решат!

Преображенский хмыкнул, смерил взглядом вторую, еще стоящую на ногах, но крайне бледную кучерявую «курочку» и, подойдя к ней вплотную, спросил:

– Ну что? Домой или остаешься?

– Д-д-домой. В звезду вашу магию! – пропищала брюнеточка и все же скатилась в обморок.

– Ну во-о-от, – расстроено протянул декан, – выходит, еще двоих надо добрать. Иначе не сформируем первый курс! – И, тут же переведя взгляд на нашу оставшуюся троицу, гневно так и с вызовом спросил: – А вас ничего не пугает? Может, тоже домой захотелось?

Разноцветная в берцах скривила мордашку, но ответила четко и по-военному:

– Если я откажусь, чем буду лучше этих дур! Я не отступлюсь!

Теперь ответа ждали от меня и от моей спасительницы-пампушечки, надо будет потом узнать, как же ее зовут.

– Мне у вас нравится. Тут тепло. – Видимо, она решила подойти к вопросу своей дальнейшей судьбы с неожиданной стороны. Теплый местный климат для девушки с севера стал решающим фактором. – Я остаюсь!

И наконец-то сняла с себя пуховый платок, обнажив растрепанную, черную как смоль, пышную гриву волос.

Похоже, осталась только одна я. И хочется, и страшно, и понимаю, что назад пути потом не будет. А еще осознала, в чем смысл этих глупых «троек» – ты не сможешь уйти или отчислиться из Академии по собственному желанию, потому что из-за твоей слабости разобьются еще две судьбы. Значит, отступить от заветной магии ни на шаг нельзя. А раз так, то:

– Я буду учиться! – твердо сказала я, глядя на своего будущего декана и преподавательницу физкультуры.

Одобрительно хмыкнув такому рвению к учебе, декан извлек из воздуха три небольших свитка и протянул каждой из нас по экземпляру.

– Это договор на ваше обучение в Академии, внимательно ознакомьтесь. Если согласны, поставьте внизу подпись капелькой крови. Договор стандартный магический, в случае нарушения пунктов о неразглашении информации вас ждет немедленная и мучительная смерть. Подробнее в главе «Ответственность сторон», также внимательно изучите «Форс-мажоры и обстоятельства непреодолимой силы». Мы заведение честное, поэтому скрытых процентов и мелких шрифтов в договоре нет. Но вы все равно читайте внимательно, прежде чем подписать.

Я решительно развернула свиток и уже приготовилась увидеть в нем гору текста, как вдруг:

– Да вы что, издеваетесь? – возмущенно пискнула моя спасительница в шубе.

– Что вас так смутило? – вежливо поинтересовалась Троя.

– Пункт 6.6.7. «Обязательная потеря девственности (при наличии оной) к пятому курсу». Я даже читать не начала, как ЭТО у меня на поллиста высветилось! – произнесла пампушечка, заливаясь пунцовой краской.

«Ого, это где тут такие условия?» – поразила я и начала искать глазами этот развратный пункт в своем экземпляре договора.

Я-то своей невинности давно лишилась, ну а где вы в наше время найдете нетронутую деву в двадцать пять лет. Такие сказки только в женских романах встретить можно. И хотя особого опыта в сексуальной сфере я все же не имела, но и полной дурочкой назвать себя не могла. В конце-то концов, я нормальная половозрелая девушка, и если взять в расчет два неудавшихся романа, о каждом из которых я думала, что это всерьез и навсегда... То да! Добрачному разврату я предавалась. И ни капельки не жалею.

Правда, хваленого великого удовольствия от процесса я не испытала, вроде и не отвратительно, но и не вау! Зато честно признавала за собой великий актерский талант к симуляции. Два героя моих неудавшихся романов считали себя великими альфа-самцами. Ну да и черт бы с ними! Сейчас я рыскала глазами по договору и не находила у себя этого чудесного пункта.

В моем свитке параграф 6.6.6 был последним в графе «Обязанности сторон» – и предлагал мне тщательно выполнять все рекомендации учителей, касающиеся моего обучения.

– Так почему я обязана лишаться девственности? – продолжала возмущаться пампушка. – Какое это имеет значение для обучающего процесса?

Арвенариус, предчувствуя скользкую тему будущего разговора, покосился на Трою и, прошептав: «Пойду-ка я проверю периметр перед телепортацией», тихонечко ретировался в неизвестном направлении.

Подождав, пока на полянке в зоне слышимости останутся только девушки, преподавательница физкультуры наколдовала себе простенькую табуретку, изящно уселась и, смерив тяжелым взглядом наши недоумевающие лица, глубоко вздохнула. Но все же решила объяснить:

– Работа фрейлин порой опасна не только для вашей жизни, но и для чести. За годы в Академии вас обучат манерам поведения в высшем обществе, искусству быть красивой, искусству соблазна, умению правильно общаться и обращаться с мужчинами. И, опережая вопрос, который у вас на лицах читается, нет – королевскими проститутками мы вам стать не предлагаем. Во дворце подобных охотниц за счастьем и так хватает! С кем спать или не спать – вы решаете сами. Но есть одно «но»! Вас будут желать множество мужчин, кто-то – издали, писать стихи и дарить цветы, а кто-то – более агрессивными способами. К сожалению, встречались и случаи насилия. Когда девушки, даже со всеми знаниями фрейлин, не смогли отбиться. И здесь, уж поверьте моему опыту, – руки преподавательницы гневно сжались, – лучше лишиться девственности до брака, но добровольно, чем привязанной к столу и с мужиком, от которого вас воротит.

– М-да... уж, – тихо прошептала я, – какая-то дурацкая работа у фрейлины. Можно не дожить, и риск изнасилования есть, а в чем тогда вообще смысл? Где момент нашей мотивации?

– Деньги, балы, приключения, возможность выгодно выйти замуж, дворцовые интриги и подковерные игры – то, о чем мечтают девушки Двадцати Королевств, поступая в Академию. Но я расскажу вам о другой стороне медали. После пяти лет службы королевской фрейлиной вас сменит новое поколение наших выпускниц. И тогда перед вами откроется весь мир, полный магии. Вы сможете путешествовать, найти работу по душе, встретить любящего мужа, создать нормальную семью. Десять лет – и двери в мир будут открыты.

Какая красивая палка о двух концах!

Разноцветная, все это время молча слушавшая разговор, присела прямо на траву и, не шурясь, посмотрела на яркое полуденное солнце.

– Троя Александровна, а вы из какого мира? – поинтересовалась девушка.

– Из Внешнего, оттуда, откуда и вы.

– Вы упомянули, что работали фрейлиной. Так почему же вы сейчас работаете преподавателем в Академии, а не путешествуете по миру?

Преподавательница искренне расхохоталась.

– Девушки, мне двести лет. Первые пятьдесят я честно путешествовала, но мне надоело. Потом я вышла замуж первый раз, не сошлись характерами, потом второй, третий, четвертый. И мне снова надоело. Вот уже сто лет я работаю в Академии, и мне это нравится. Тем более что со своим опытом я могу предостеречь вас от кучи глупых ошибок, которые когда-то наворотила сама. Еще вопросы есть?

«Две сотни лет, офигеть! Я тоже так хочу выглядеть в ее возрасте!»

– А сколько здесь средняя продолжительность жизни? Ну, если за углом не прибьют? – Я решила все же уточнить интересующий меня вопрос.

– Лет шестьсот, кто-то и больше.

«Шикарно, заверните мне все шесть веков, пожалуйста! Ради такого приза можно отмучиться десяток лет!»

– Ну что ж! Я, смотрю вы вдруг резко приободрились. – Троя встала со своего наколдованного стульчика и одним ударом огненной плети развеяла тот в пепел. – Давайте, дочитывайте договор, подписывайте и вперед на заселение по комнатам.

Следующие пятнадцать минут каждая из нас вчитывалась в мудреные строки свитка.

«Высшая Военная Академия Магии, именуемая в дальнейшем «Академия», в лице декана факультета фрейлин Арвенариуса Преображенского, действующего на основании Устава, и Савойкина Элла, действующая на основании здравого смысла, именуемая в дальнейшем «Курсантка», заключили настоящий Договор о нижеследующем...»

И туча пунктов – учиться, стараться, выполнять, делать, исполнять, а еще куча обязанностей и миллион требований.

«Пункт 2. Академия обязуется:

2.1. Уладить все проблемы, возникающие с семьей и государством у иномирных курсантов: инсценировка смерти, подделка документов о переезде в другой город (страну), оплата кредитов (если таковые есть). Необходимо подчеркнуть, в противном случае выбор способа урегулирования ситуации предоставляется исполнителю...»

Словно прочитав на моем лице растерянность, Троя, протягивая карандаш, пояснила:

– Либо твоим родственникам скажут, что ты уехала в Китай на десять лет по обмену, и оттуда будут регулярно присылаться деньги, твои фотоснимки в обнимку с Буддой, либо «твое» тело найдут в ближайшей подворотне. Но последнее при живых родственниках делать не советую, этот способ хорош, если тебя дома никто не ждет.

Взяв у преподавательницы карандаш, я решительно подчеркнула «подделку документов», ну не хотелось мне расстраивать маму и папу. Пусть я и живу далеко от них, но это не повод организовывать им внеплановый инфаркт.

«2.2. Академия берет на себя все расходы по материальному обеспечению Курсантки: одежда, обувь, учебные материалы, питание.

2.3. В случае успешного выполнения учебного плана Академия обязуется выплачивать денежную стипендию в размере 10 золотых за месяц обучения.

2.4. Академия предоставляет перенос из Внешнего мира одного личного предмета

(на выбор Курсантки) в комнату проживания одной...»

О, какой интересный пункт! Но уточнить все же нужно.

– А что, вообще любую личную вещь перенесут?

К этому времени уже вернувшийся Арвенариус сосредоточенно избавлялся от мелкой травы на небольшом клочке земли, примерно два на два метра. Если растительность оказывалась большой, сорной и плотно засеваемой, то декан с пыhtением, ручками выпалывал ее из земли.

Зачем это было ему нужно, оставалось пока непонятным, но мой вопрос отвлек его от странного занятия.

– Любую, но только одну. Если ты скажешь перенести шкаф, мы перенесем, но без содержимого. А то были уже хитрые.

– А домашнее животное подходит под характеристику личного предмета?

Декан аж кустик полыни из рук выронил.

– В смысле?

– У меня кот остался, перенесите его сюда, пожалуйста.

По лицу Преображенского побежала эмоция негодования, видимо, живность еще никто не просил переносить, но тут же он расслабился и неожиданно согласился.

– Следить, кормить, поить сама будешь. Если он сбежит или его сожрет какая-нибудь горная тварь, это будет твоей проблемой.

Меня такие угрозы не могли напугать, Лорда Оттона Штрауса фон Мурза, думаю, тоже. Большой, пушистый, рыжий, беспородный, наглый кошара являлся жестоким образцом истребителя крыс, грозой дворовых собак и похитителем сердец всех местных кошечек. Будучи животным на свободном выгуле, пропитание кот себе находил сам, очень часто уходил в загул на неделю, а потом возвращался тощим, с разодранным ухом, долго лакал воду из мисочки и, довольный жизнью, засыпал на моей кровати. Согнать грязного ободранного Лорда Мурза было невозможно, поэтому оставалось только смиренно менять постельное белье и ждать следующего кошачьего загула.

– Мне однозначно кота, судя по всему, это самое ценное, что у меня осталось в том мире.

Арвенариус лишь пожал плечами, мол, у каждого свои заскоки, и продолжил дальше пропалывать полянку.

Вообще, в скромной комнатухе, которую я снимала поближе к месту работы, еще оставались ноутбук, маленький ламповый телевизор и старенький диван. Но в выборе между этими вещами и котом с огромным перевесом победил кот. И я отчего-то была уверена: животное путешествие перенесет отлично и еще благодарным мне останется...

В итоге через полчаса, согласившись с условиями договора и оставив по капельке крови внизу свитков, мы продолжали наблюдать за сельскохозяйственным производством, который творил Преображенский на полянке. Троя на эту ручную прополку смотрела равнодушно, видимо, потому, что так и нужно. Потому и мы втроем вмешиваться не спешили и глупых вопросов не задавали. Зато познакомиться успели.

Полненькую звали Кристиной Волковской, а разноцветную – Беловой Анфисой. Как я и предположила, моя спасительница оказалась жительницей Заполярья. Хотя даже там бывает более-менее теплая погода, в день, когда ее выдернули из нашего мира, как назло, шел снег и завывал сильнейший ветер, поэтому одежда на девушке была такой странной для моего

столичного взгляда. Анфису же «Хоттабыч» выкрал с кладбища. Бродила одинокая девушка-неформалка среди могил, размышляла о вечном, а тут дедок-академик, откуда ни возьмись, со странным предложением:

– Тебе грустно и одиноко в этом мире?

Вот если честно, я бы после такой фразы от незнакомца на кладбище в обморок упала, но Анфиса томно вздохнула, поправив разноцветные волосы, и согласилась:

– Угу... Одиноко...

– Пошли тогда со мной, я покажу, где весело, – предложил дедок, протягивая руку.

Но Анфиса душой не была, она проверила нож, лежащий в одном кармане, газовый баллончик – в другом и только после этого согласилась:

– Веди, дядя, пускай будет весело!

А потом вспышка, и знакомая всем троим комната. Только в отличие от меня ни Анфиса, ни Кристина по книжкам не лазили, они сразу начали военные действия против заперших их людей. И первая протаранила окошко берцами уже в течение десяти минут, а вторая через полчаса, и только я еле-еле уложилась в норму. Чувствую себя туповатой, но ничего, не всем же сразу звезды с неба хватать!

А тем временем Арвенариус закончил с полянкой и теперь критически осматривал девственно пустой квадрат земли без признаков растительности.

– Всегда бесил этот способ перехода! Нет чтобы выжечь эту траву ко всем чертям! Так нет же, надо ручками, чтобы потом следов не отследить было до Академии... – бубнил он. – Все, дамы, объявляется построение внутри этой фигуры и пятиминутная готовность к телепортации.

А дальше дежавю: вспышка, искорки, ощущение потери тела, опять полет и прибытие к месту будущего прохождения обучения с наэлектризованными, растрепанными во все стороны рыжими волосами!

Все! Вот я и пришла! Прячьтесь в картошку, накрывайтесь свеклой! Я СТАНУ ОФИГЕНСКОЙ ФРЕЙЛИНОЙ!

«Жизнь прекрасна!» – надпись у входа в ад, оставленная пессимистом.

Анатолий Рахматов

Ректор Филоний Милонский величественно уселся в свое кресло. Одной рукой он оперся на подлокотник и, устало уложив подбородок на ладонь, медленно обвел кабинет тяжелым взором. В приличном обществе такая поза обозначала бы неуважение и пренебрежение к собравшимся, но в сплоченном сотнями лет преподавательском коллективе Академии и не такое видели за столь долгий срок. Чего только стоила выходка жеманной Терции, когда двадцать лет назад, напившись после очередного выпускного у аналитиков, она надыхалась одним из забористых зелий Глеба и отплясывала канкан всю ночь напролет на ректорском столе. Снять ее оттуда не удавалось никому, мужчин она к себе не подпускала, а Троя Александровна искренне веселилась и хохотала, глядя, как напыщенная преподавательница этикета, фанатка Блока, мечтающая о балах в стиле Наташи Ростовской, высоко задирает ножки и обнажает перед всеми вышедшие сто лет назад из моды розовые панталончики.

Вот и сейчас Милонский в очередной раз рассматривал преподавательский состав Высшей Военной Академии Магии и в глубине души поражался, как все эти люди вообще могут чему-то научить.

Взять хотя бы Глеба. Даже несмотря на его физическое присутствие на педсовете, толку от преподавателя уже не было. Великий, для своего столетнего возраста, знаток ядов и магических зелий, брюнет и мечта девичьих грез находился в очередном коматозно-творческом припадке. И дня не проходило, чтобы в своей лаборатории он, надыхавшись вреднейшими испарениями, не отправлялся разумом путешествовать по никому не ведомым мирам, писать стихи, орать песни и рассуждать о вечном и жизненном. Вот и сейчас, проведя утренние лекции у третьих курсов по любовным зельям, а у четвертых – по замедленным ядам, Глеб задумчиво, с остекленевшими глазами записывал в блокнотик стихи о великой и яркой любви, которая всегда убивает. Временами он тяжело вздыхал, грыз карандаш и продолжал творить дальше. Отпускало Глеба только утром, после восьми часов полноценного сна, в этом случае трезвого сознания преподавателю хватало на проведение нескольких лекций ровно до обеда, а потом его снова накрывало.

Попечительский совет, состоящий из мамаш-истеричек, не раз подавал прошения о том, чтобы Глеба уволили – негоже в таком заведении психов и наркоманов держать. Но ректор был непреклонен! При всех странностях у преподавателя магических зелий были уникальные способности к определению ядов и составлению к ним антидотов. Уже не единожды, когда монарших особ в одном из Двадцати королевств травили, Глеб экстренно срывался с занятий или пространственных загулов и телепортировался к умирающему. А дальше начиналось творческое представление.

За долгие годы близкого общения с различными ядами у преподавателя выработался к ним уникальный иммунитет, поэтому он смело пробовал на вкус отравленную еду, напитки, определял состав яда и изготавливал к нему антидот. Короли и королевы оживали на глазах,

благодарили Глеба за спасение, на что тот растерянно хлопал глазами, просил выдать карандаш, бумагу, а затем садился прямо на пол и начинал записывать поток мыслей, неожиданно пришедших в голову.

Рядом с ушедшим в творческий транс преподавателем сидела утонченная Терция Шарон; она томно обмахивалась веером и закатывала глазки, постоянно шепча и жалуясь, как жарко и душно в этом пыльном кабинете. Ее волосы цвета бледного каштана были заплетены в замысловатую и безвкусную на современный взгляд загогулину, которой преподавательница яро гордилась. Сегодня Терция надела платье покроя восемнадцатого века, добытое из ее древних сундуков, и теперь считала себя неотразимой.

Недовольнее всего блюстительница академического этикета косилась на Трою, возлежавшую на одном из диванчиков у стен комнаты. Троя же, закинув ноги в ботфортах на многострадальную спинку этого представителя мягкой мебели, забавлялась тем, что огненной плетью ловила и испепеляла летающих по кабинету мух.

Адекватнее всех вели себя Горгулий Арсений – учитель истории, и герцог Эридан Тарфолд – начальник службы безопасности Академии, по совместительству специалист по магическому оружию. Первый пребывал в каменном виде, и его сейчас проще было разбить кувалдой, чем разбудить. А второй был серьезен всегда. Высокий блондин стоял в углу комнаты, скрестив руки на груди, и внимательно слушал доклад, зачитываемый деканом факультета фрейлин Арвенариусом. Слушал чисто из вежливости, потому что даже расстояние в пять метров до Преображенского не помешало герцогу прочесть содержимое документа раньше, чем его озвучат. Родовой артефакт «Орлиное око», который заменил Эридану потерянный сто пятьдесят лет назад глаз, отливал в полумраке кабинета пронзительно-голубым светом, замечая каждую, даже незаметную с первого взгляда мелочь. Второй же глаз, ярко-зеленый, был полуприкрыт, отчего складывалось обманчивое впечатление, будто Эридан вот-вот уснет.

– Таким образом, в ходе вступительной кампании на факультет фрейлин были зачислены пятнадцать девушек в возрасте от шестнадцати до двадцати девяти лет. Из них три из Внешнего мира и двенадцать из Двадцати Королевств.

– М-да... С каждым годом все хуже и хуже, – разочарованно выдохнул ректор. – А сколько всего иномирянков участвовало в отборе?

– Две тысячи пятьсот двадцать. Каждая была заперта в комнате с загадками. Из которых: около полутора тысяч кандидаток так и просидели час на тахте или просто гуляли по комнате. Примерно пятьсот запаниковали и бессмысленно ломались в двери и окна, так и не додумавшись выбить последнее. Оставшиеся нашли задание. В итоге выйти из комнаты, выполнив условия Игры, смогли четыре, они сейчас проходят оформление на факультет Аналитики, а для обучения на моем факультете подошли только три вместо положенных пяти. Теперь, из-за неровного количества поступивших, пришлось добирать еще двух из нашего мира.

– Говори как есть. Не добирать, а принять взятку за их прием? – грозно рыкнул ректор. На что декан, нимало не смутившись и даже не моргнув глазом, продолжил вещать:

– Это не взятка, это деньги на капитальный ремонт в лекционных залах и на новую униформу для учащихся.

Как правило, Милонский не обращал внимания на факты такой мелкой коррупции. Академия хоть и располагалась на территории Нейтральных земель, но деньги тянула со всех Двадцати Королевств, для которых готовила кадры. За несколько прошлых лет были

выпущены фрейлины и аналитики для четырех королевств: Фердинарии, Никидонии, Валентарии и Пятого Радужного. Нынешним же набором, который выпустится через пять лет, планировалось заменить персонал у Ее Величества королевы Ризеллы Сирской I, жены правителя Керении – Викториана IV. Поэтому факт принятия двух туповатых, но знатных учениц, которым поступление оплатили богатые родители, ректора совсем не устраивал.

– А учиться эти графини как будут? – ехидно поинтересовался Филоний у Преображенского.

– Ну, я объяснил родителям, что, если их дочери не справятся с учебной программой, мы укажем им на дверь, а точнее, на телепорт из нашей Академии обратно в отчий дом. У нас есть проблема похуже, чем две богатые дочурки.

– Например?

– Как разбивать на тройки будем? – Арвенариус, как декан факультета, все же искренне переживал за распределение. – Они теперь не делятся по принципу: одна иномирянка и двое местных.

Троя, которой надоело убивать мух плетью, перекатившись на диване и изменив лежачую позу на сидячую, предложила свой вариант решения ситуации:

– Пусть будет три тройки с иномирянами и две полностью из местных. Причем вы лучше этих, проплаченных, в одну запихните. Если вылетят, пусть сразу все вылетают, нечего коррупцию плодить.

– Ой, тебе ли говорить вообще? – ехидно заметил декан. – Мне напомнить, за чьи деньги куплен этот чудесный черный комбинезон из секс-шопа?

– На мою кровную зарплату. – На явную провокацию Арвенариуса опытная Троя не купилась.

Сверкая голубым артефактом, длинноволосый у стеночки напомнил, что он все еще находится в кабинете.

– Хм-хм! Я вам не мешаю взятки обсуждать? – сурово обвел он взглядом всех собравшихся.

– Ну не у всех же преподавателей заброшенное герцогство за стенами Академии есть, господин Эридан, – кокетливо подмигивая начальнику службы безопасности, заметила блондинка и как бы невзначай опустила молнию на комбинезончике еще ниже, открывая и без того откровенные виды на свои достоинства пятого размера.

– Возмутительно, Троя Александровна, вы же преподавательница! Прекратите пошлые выделывания! – обмахивая себя веером и притворно закатывая глаза, сделала замечание коллеге Терция.

Воцарилась тишина, разбавленная звуком поскрипывающего карандаша Глеба и глубокомысленным «бе-бе-бе» от Трои в адрес зануды, питающей страсть к пафосному исполнению этикета.

– Напомните, господин ректор, а зачем мы вообще из года в год набираем иномирянок? – ровным тоном поинтересовался Эридан.

Внезапно оживший Горгулий мерзопакостно захихикал.

– Будь ваша воля, герцог, на фрейлин уже давно бы только мальчиков набирали!

Странная колкость от преподавателя истории осталась якобы незамеченной, и только Глеб нараспев продекламировал свой новый шедевр:

Любовь была однажды зла, Убив все чувства наповал. Но даже цепкий глаз Орла Всегда на чудо уповал.

И боль предательства засела Огромной дыркой в сердце том. Когда девица та все пела В оргазмах оргии с шутком...

– Пр-рекр-ра-ти! – прошипел Эридан, подскакивая к Глебу и вырывая бумагу со стихотворением из его рук, и тут же сжег творчество непонятого поэта одним щелчком пальцев.

– Ну во-о-от! – обиженно протянул Глеб и, материализовав бокал с чем-то красным, протянул его пышущему злобой начальнику безопасности. – Вина? У вас очень нервный вид.

И, не дожидаясь реакции оппонента, преподаватель зелий смело сделал большой глоток жидкости, посмаковал во рту и глубокомысленно выдал:

– И правильно делаете, что не хотите. Цианистый калий и мышьяк – яд куртизанок и королей!

Допив отравленное вино, Глеб театрально раскланялся с присутствующими на педсовете, долго тряс руку Филонию, чмокнул в щеку Троя и, попрощавшись с остальными, телепортировался из кабинета.

– М-да... Напомните, чтобы я предупредил первокурсниц – не пить и не есть ничего из того, что он им будет предлагать, – задумчиво пробурчал Арвенариус, извлекая из воздуха толстый ежедневник, чтобы поставить эту важную мысль на заметку. – Коллеги, мы так и не решили вопрос с распределением. Ваши варианты?

– Иномирянок в одну тройку, местных еще на четыре. – Уже отошедший от внезапной вспышки гнева герцог снова стоял в углу комнаты. – Заодно и проверим мою теорию о том, что дамы из Внешнего мира без поддержки со стороны более приспособленных к этой работе жительниц Двадцати Королевств ни на что не способны!

Троя возмущенно щелкнула плетью по полу, оставляя от удара на паркете обугленный след.

– Я тоже иномирянка! Ты сейчас намекаешь, что я бесполезна?!

– Двухсотлетний опыт даже из тебя смог сделать что-то толковое, – сквозь зубы процедил Эридан.

– Довольно грубо с вашей стороны напомнить женщине о ее возрасте, – неожиданно становясь на сторону Трои, возмутилась Терция.

– Что есть возраст, когда впереди еще века... – отряхивая вековую пыль с каменных крыльев, засуетился Горгулий Арсений. И тут же весело продолжил: – Я предлагаю развлечение сроком на пять лет, с большими денежными ставками по ходу пьесы. Тематика проста как мир: смогут ли иномирянки доучиться до конца, будучи в одной тройке? Вмешиваться в ход событий – для чистоты эксперимента преподавателям запрещается. Ну, кто «за»?

Арвенариус, услышав такое крамольное заявление от главного каменного сплетника Академии, не выдержал и запустил в того ярким файерболом.

– Вообще обалдел на старости лет?! Тотализатор решил на курсантках устроить?! Да я тебе крылья твои готические повывергиваю, если узнаю!

Глядя на это цирковое выступление преподавателей в своем кабинете, усталый ректор спешно прикидывал реальные варианты решения ситуации с распределением.

А в конце-то концов, почему бы и нет.

– Решено! – громко провозгласил он, вставая с кресла.

От неожиданности обменивающиеся колкостями Троя и Терция притихли, а Горгулий перестал сокрушаться над тысячным сколом крыла, который только что заработал в

результате удара файерболом.

– Распределяем так, как предложил Эр! Но превращать это в пари я вам запрещаю. Наоборот, всеми силами будете оказывать иномирянкам содействие, им и так придется тяжелее, чем остальным. Поэтому давайте выключим личные амбиции и пристрастия. Это касается вас, Троя, и вас, Эридан! – Произнося имена, ректор даже пальцем в каждого ткнул, чтобы понимали всю серьезность ситуации. – Вам понятно?!

Короткие кивки преподавателей ректор воспринял как согласие.

– Так что, Арвенариус, объявляйте своим подопечным результаты, выдавайте униформу и завтра чтобы все были на занятиях!

Преображенский тщательно записал указания, полученные от начальства, в блокнот и уже в принципе был готов мчаться приводить весь этот план в исполнение, как с обратной стороны двери в ректорский кабинет послышался странный скрежещущий звук.

– Войдите! – громко пригласил Филоний.

Дверь не открылась, ответа тоже не последовало, но звук повторился.

– Войдите! – еще громче повторил Милонский.

Ноль реакции.

– Горгулий, вы ближе всех к двери, откройте, пожалуйста. Кто там такой глухой, интересно!

Спрыгнув со специально для него сделанной еще три века назад жердочки, Арсений, нелепо шлепая когтистыми лапами по паркету, поплелся открывать. Резная ручка, не приспособленная для захвата каменным крылом, поддалась не с первого раза, но тысячелетний опыт Горгулия все же позволил в итоге с ней совладать и открыть злосчастную дверь.

По ту сторону нашлись: мертвая тушка чешуйчатой горной крысы, небольшая зловонная лужица и здоровенный рыжий котяра, который зашкрябывал следы своего преступления о ректорскую дверь. Увидев, что его спалили, животное издало громкий «мяв», распушило хвост и, схватив в зубы свой чешуйчатый трофей, свалило в темную неизвестность одного из многочисленных ответвлений центрального хода.

Через десять секунд с другого конца коридора выбежал ошарашенный Глеб и с криками:

– Отдай крысу, она же ядовитая! – унесся вслед за котом.

Все это действие сопровождалось гробовым молчанием со стороны находящихся в ректорском кабинете преподавателей. Речь вернулась к ним через пару минут:

– Ну и что это было? – спросил у офигевших коллег Милонский.

Давящаяся смехом Троя смогла только предположить:

– Вероятно, Лорд Оттон Штраус фон Мурз! – и, не выдержав, уже в полный голос радостно расхохоталась.

* * *

Ну, вот и хваленая долгожданная Академия. К такому жизнь меня не готовила однозначно.

В женских романах все приукрашивают. За время следования за Арвенариусом по коридорам Академии я не увидела ни одной картины, ни одного гобелена, только голые каменные стены. Радовало лишь яркое освещение, которое распространялось от маленьких

магических фонариков, развешанных через каждые полтора метра. С чего я решила, что они магические? Да потому, что электрических проводов в этом скалистом бункере не наблюдалось, а из любопытства протянутую к фонарику руку на предмет «обожжет или нет» от боли отдергивать не пришлось.

Декан вел нашу стайку из пятнадцати девчонок по одному из широких коридоров. Иногда по бокам встречались многочисленные ответвления без указателей и других отличительных знаков.

«Как здесь вообще можно ориентироваться? Критский лабиринт, блин, – мысленно возмущалась я. – Где великолепие и лепнина? Что-то не тянет ЭТО на лучшую Академию Двадцати Королевств!»

Раздраженное настроение обуславливалось даже не разочаровавшим интерьером, а тем, что полчаса назад Арвенариус объявил результаты нашего разделения на тройки. Компанией я была довольна, все же моя спасительница Кристина и брутальная готесса Анфиса казались мне надежными девчонками. Да и плюс к тому мы, прибывшие сюда вместе, все равно старались держаться маленькой обособленной кучкой. Незнакомая обстановка объединяла.

Меня взбесила реакция остальных сокурсниц!

Скажем так, когда мы только прибыли и увидели будущих однокашниц, сразу стало понятно, насколько сильно мы отличаемся как минимум в стиле одежды. Выглядела наша компашка, как бедные родственницы, которые по чистой случайности попали на королевский бал, где каждая из придворных дам надела лучший наряд, навела идеальный марафет на мордашке и теперь ходит и высматривает, кто одет хуже или лучше, чем она.

В общем, в этот момент мы осознали, что гламурные курочки с силиконовыми губами были не самым ужасным вариантом сокурсниц, более того, они бы могли стать нашими сестрами по несчастью. За пару мгновений местные перемыли нам кости, обсудили наши шмотки, похихикали над моими валенками, опустили ниже плинтуса и остались довольными своим превосходством. Особенно злобствовали две в ярких платьях, обе перетянутые корсетами по самое «не могу дышать». Их юбки были настолько пышными, что подойти друг к дружке ближе чем на метр у девушек не получалось – сталкивались нарядами. А уж сколько рюшей, кружавчиков, цветочков и обилия розового – фу, тошно! Вот сразу видно – барышни, засыпанные деньгами и обделенные мозгом!

Из всех местных кости нам не перемывали только две «тройки», видимо, состоявшие из девушек сословием поскромнее – на них были надеты аккуратные и невычурные, по сравнению с остальными, платья. В общем, проведя тихое совещание с Кристиной и Анфисой, мы решили, что стратегическую дружбу будем вести именно с этими девчонками. Ну а больше в этом гадюшнике мы пока кандидаток не лицезрели!

Вот поэтому-то я и шла такая злая. Декан проводил обзорную экскурсию по Академии и постоянно обращал наше внимание на какие-то детали и мелочи, которые ни в коем случае нельзя забывать или перепутать! Но я невольно прислушивалась сейчас не к нему, а к злобной парочке, которая шла позади и перемывала мне кости.

– Это же как надо себя не уважать, чтобы ходить с таким ужасным цветом волос и гнездом на голове?! – возмущалась первая.

– Сразу видно девушку из низших! – поддакивала ей вторая.

А потом было мерзкое хихиканье.

«Спокойнее, Эля! Ты злопамятна и жестока! Запомним и отыграемся попозже! А сейчас слушай Арвенариуса, смотри, как он пыхтит и объясняет что-то важное».

«Хоттабыч» сосредоточенно вышагивал по коридору, не глядя себе под ноги, и, вперившись взглядом в толстенный блокнот, зачитывал оттуда необходимую информацию:

– Входов-выходов, окон и дверей на территории Академии нет. Единственная возможность отсюда выйти предоставляется только телепортантам. Поэтому, если у вас клаустрофобия – запасайтесь успокоительным! Сама Академия является хорошо заглубленным подземным бункером, который располагается в скалистой породе и укреплен всеми возможными и невозможными способами! Вентиляция помещений осуществляется магическим образом, поэтому, если будете симулировать недостаток кислорода, – я вам не поверю! И наш местный лекарь на эти дешевые трюки тоже не купится!

Одна из курсанток подняла руку, желая задать вопрос:

– Господин Арвенариус, означает ли это, что ближайшие пять лет мы будем сидеть здесь безвылазно?

– Разумеется, нет! Раз в неделю, в один из выходных, кто-то из преподавателей будет сопровождать вас на прогулку в города Двадцати Королевств! Еще вопросы есть?

Вопросов не было.

– Вот и славненько. Продолжим. Сейчас я покажу комнаты, в которых вам предстоит прожить ближайшие пять лет. Поэтому имущество советую не портить, иначе вычтем из стипендии. Все ваши вещи, которые вы заказывали из дома, уже привезены в комнату. Кроме твоей, Савойкина! – Арвенариус гневно зыркнул в мою сторону. – Твой кот уже носится по Академии, и отловить его пока не представляется возможным! А ты обещала за ним следить, поэтому лужу возле кабинета ректора уберешь сама!

После этой фразы позади меня раздалось тихое хихиканье зазнавшейся парочки.

– Уборщица! – шикнула одна из них и заржала с двойной интенсивностью.

Я сжала кулаки, да так сильно, что аж ногти с болью в кожу впились.

«Дыши, Элечка! Просто дыши глубже!»

– Хорошо, господин декан! Я выполню обязанности, которые на себя взяла!

Удовлетворенно кивнув, Арвенариус продолжил:

– В комнате найдете свою униформу, обувь, учебные пособия и расписание занятий. А также список правил поведения в Академии! С ним рекомендую ознакомиться особенно внимательно! Три нарушения дисциплины – и можете помахать вашему образованию здесь ручкой! Вам все понятно?

– Так точно! – разрозненно промямлили пятнадцать девичьих голосов.

– НЕ СЛЫШУ!

– ТАК ТОЧНО! – уже более дружно.

– Я что, с мышами разговариваю? ВАМ ВСЕ ПОНЯТНО?! – рявкнул декан.

– ТАК ТОЧНО!!! – разнеслось эхом по пустынным коридорам.

– Уже лучше, – прокомментировал «Хоттабыч» и принялся раздавать связки ключей от наших будущих комнат.

Тринадцать – и почему я не сомневалась, что комната с таким номером достанется именно нам? Странно, почему не три шестерки?

Как объяснил Арвенариус, вся территория Академии негласно делилась на четыре части: общежитие курсантов, лекционные кабинеты, изолированные залы для практических занятий и огромный актовъ зал – для проведения важных мероприятий и собраний. Каждая из частей отделялась от других двумя широкими коридорами, которые пересекались между собой где-то в центре Академии и образовывали гигантский крест.

Вот и сейчас, доведя первый курс будущих фрейлин до конца Вертикального главного коридора, декан остановился и указал на одно из ответвлений:

– Запоминайте, сто сороковое ответвление справа – вход в жилой корпус, где расположены ваши комнаты!

Я удивленно вскинула глаза на Арвенариуса (подобная реакция была у всех однокурсниц, ну хоть где-то мы сошлись во мнениях), после чего высоко задрала руку, всем видом показывая, какой важный и накипевший у меня созрел вопрос.

– Слушаю вас, Эля!

– Мы самостоятельно ни за что и никогда не найдем этот коридор. У вас же здесь лабиринт! Ни указателей, ни опознавательных знаков. Как нам вообще ориентироваться?

Стукнув себя по лбу и внимательно сверившись с блокнотиком, Арвенариус достал из кармана мантии карандаш и дописал на бумаге какую-то недостающую информацию.

– Каждый год забываю, что первокурсникам надо допуски сделать. – И, отложив ставший временно ненужным ежедневник прямо в воздух, декан рассеянно извлек откуда-то из пустоты большую канцелярскую круглую печать. – Подходите ко мне по одной, с закатанным рукавом на левой руке.

А дальше все в лучших традициях ночного клуба: каждой курсантке на руку маг ставил светящийся оттиск магических чернил.

И, о чудо! Едва печать коснулась кожи, я аж вздрогнула от кучи новых нахлынувших на меня впечатлений. Потому что пустой коридор, в котором мы стояли, оказался абсолютно не пустым. На стенах появились картины, некоторые из ответвлений превратились в уютные ниши с диванчиками внутри. Кое-где к стенам были приколочены небольшие пустующие либо занятые горшками с растениями полочки. На одной из таких и лежал ежедневник Арвенариуса, который еще десять секунд назад, казалось, парил в воздухе.

А еще обрадовали появившиеся указатели. Прямо над нашим ответвлением висела мерцающая табличка: «Проход 140. Правый».

– Пару дней чернила будут светиться, а потом перестанут, – предупредил старик, пряча печать, после того как закончил раздавать допуски всем собравшимся. – Теперь, когда всем все видно, можете идти заселяться по положенным комнатам.

Но никто никуда не шелохнулся. Быстрые и разительные перемены в интерьере Академии нас шокировали. А для меня, иномирянки, они стали вообще самым ярким впечатлением с момента появления здесь!

«Не врут! Не врут романы! Академии великолепны!» – ликовала моя душа, пока я разглядывала вблизи огромную, в свой рост, картину, повествовавшую о каком-то огромном и величественном сражении. Гигантский воин верхом на белогривом коне решительно рубил мечом врагов и прорывался вперед к неведомой цели. Он совсем не замечал, как ему в спину летит смертоносное копьё. Особенно название порадовало: «Предательство лучшего друга».

М-да...

– Ну, и что вы стоите? – непонимающе смотрел на нас Арвенариус. – Идите заселяться. У вас завтра подъем в шесть утра, а кому-то еще до кабинета ректора идти, – последовал косой взгляд в мою сторону.

Словно спохватившись, девчонки начали кто-то решительно, а кто-то с опаской по одной исчезать в «Проходе 140».

– Эля, пошли! – окликнула меня Крис.

Она уже сняла с себя шубу и теперь гордо несла ее в руках.

М-да уж! А ведь выглядели мы реально как бомжихи.

Я в белом грязном платье и валенках, Крис – растрепанная после пухового платка, с шубой и в носках, и Анфиса с волосами цвета радуги, берцах и пирсингом по всему лицу – две сережки в бровях, три в губе, кольцо в носу, даже щеки и те проколоты, на ушах я даже считать боялась, там же по-любому живого места не найдется. В общем, богини красоты!

– Ах, да! – вдруг резко тормознул нас Арвенариус. – Совсем сказать забыл. У нас есть преподаватель по магическим зельям и ядам, вы с ним послезавтра познакомитесь на занятиях. Я вас настоятельно предупреждаю! Не берите ничего съестного из его рук и тем более не ешьте. Это может быть смертельно опасно для вашего здоровья!

«Господи, да боже меня упаси! Неужели найдется такая дурында, которая будет есть что-то, предложенное преподавателем ядов!»

Заверив Арвенариуса, что среди нас самоубийц нет и ничего у дяденьки-преподавателя брать не собираемся, мы распрощались с деканом и ушли обзрывать, где же нам предстоит жить в ближайшие пять лет.

* * *

– Что ж, все не так катастрофично, как могло показаться вначале!

Я скептически осматривала нашу по-спартански обставленную комнату.

Почти квартира со стенами из каменной кладки, окон нет, освещение от магических фонариков, три кровати, три стула, один стол, шкаф, большое зеркало, дверь в ванную, совмещенную с санузлом.

– В нашем мире у нас бы не было отдельного душа в общежитии. А то, что окон нет, даже плюс – со щелей сквозняки тянуть не будут.

Полненькая Крис устало плюхнулась на кровать и, по-хозяйски прикинув, предложила:

– Нас тут три девушки, неужели мы комнату за пять лет не обживем. Да тут при грамотном подходе за месяц можно и пол ковром укрыть и растениями обзавестись. Свой кот, я так понимаю, у нас уже есть, – она указала мне на клочок рыжей шерсти, который Лорд Мурз заботливо оставил ровно посередине комнаты как напоминание о себе любимом, перед тем как смыться.

Анфиса начала осмотр комнаты с неожиданного бока: она решительно распахнула дверцы шкафа и приготовилась восхищаться военной униформой, которую нам должны были выдать вместо повседневной одежды. Но удивленно подвисла, глядя на нечто в шкафу:

– Эм-м-м, – озадаченно протянула она.

– Что, все настолько плохо? – спросила я у нее. У меня было невысокое мнение о казенной одежде, поэтому я ожидала любого кошмара.

– Все еще хуже, – ошарашенно выдохнула она и грубо выматерилась, выражая весь спектр своих эмоций. А затем нагнулась, подняла что-то стоявшее внизу шкафа и, развернувшись, продемонстрировала нам... ярко-красные, поблескивающие лаком туфли на десятисантиметровой шпильке.

– Это что?! – привстав на кровати, изумилась Крис.

Я подошла к Анфисе и, отогнав все еще пребывающую в шоке девицу от шкафа, приступила к разглядыванию будущего гардероба фрейлин специального назначения.

«Бли-и-и-н, а чего, собственно, мы ожидали? Реально камуфляжа? Нам же намекали,

что впереди дворцы и балы! Так вот! Получите, распишитесь!»

Просто передо мной, сверкая стразами, бантиками и яркими рюшами, на длинной вешалке висели платья разных размеров, а внизу устрашающим строем, в два ряда, стояли туфельки, босоножки и сапожки на ОГРОМНЫХ КАБЛУКАХ! Ни одних кроссовок, балеток или другой мало-мальски адекватной по высоте обуви в шкафу не нашлось.

Также в гардеробе обнаружили несколько ящиков, набитых перчатками различной длины и расцветки, а еще три косметички, укомплектованные для полного боевого раскраса.

Еще раз окинув печальным взглядом эту «мечту куклы Барби», я страдальчески провозгласила вывод:

– Крис, я тебя поздравляю. Кажется, только что твои валенки выиграла приз в номинации – самая удобная обувь на эти пять лет!

Трагическую паузу, воцарившуюся в комнате, нарушил восторженный писк за стеной:

– Господи, какие платья! А туфли! Это же мечта!!!

В панике закрыв уши, чтобы не слышать этого ультразвукового визга, Анфиса взывала:

– А-а-а, мне же обещали, что будет весело!

– Так веселись, кто тебе не дает?! Я чувю, завтра всем будет еще веселее. Не удивлюсь, если кто-нибудь переломает себе ноги, отходя в такой обуви целый день.

В следующие десять минут то из одной, то из другой комнаты наших соседок доносились восторженные восклицания, что заставило нас задуматься об их душевном равновесии. В итоге, смирившись со своей горестной участью, гардероб решили перебрать и разложить все вещи по размерам. Вывалив их на одну из кроватей, мы обнаружили на задней стенке шкафа еще два скрытых ящика, содержимое которых все же принесло нам некое моральное удовлетворение. В первом – тапочки и пижамы, во втором – вполне сносная прямая черная юбка в пол, белая блузка с темным воротником, платок и строгие черные балетки. И все это в трех экземплярах.

Оглядев находку, я прикинула, что, скорее всего, это и есть экземпляр той нормальной одежды, которую здесь можно носить – типа скромненько и удобно.

– Ладно, бабоньки, я в душ и потом разыскивать кабинет ректора, надо убрать следы преступления моего кота, – предупредила я соседок и ретировалась смывать с себя дорожную грязь.

Походом в душ я осталась довольна. Вдоволь наплескавшись под горячей водой и вымывшись до скрипа, я переоделась в черно-белую «удобную» форму. Только платком пренебрегла, потому что волосы все еще оставались мокрыми.

Выйдя из комнаты номер тринадцать, я оказалась в общем коридоре общежития нашего первого курса. Здесь царили тишина и покой; видимо, все мои однокашницы были так сильно заняты, что даже из комнат своих не смогли выйти. Решив внимательно изучить строение блока, я с радостью обнаружила, что жилыми комнатами являлись только те, что с номерами с одиннадцатого по пятнадцатый. Остальными же помещениями оказались две прачечные, запасные туалетные комнаты и общая гостиная. Еще несколько дверей носили загадочное название «Служебное» и были заперты. А еще я нашла «Хозяйственную», откуда извлекла ведро, тряпку и отправилась на поиски кабинета ректора.

Выйдя в центральный коридор, я гордо продефилировала по нему в поисках хоть какой-нибудь доски с указателем на необходимый мне объект. Пару раз мне навстречу попались парни и девушки, наверное, со старших курсов. Они подозрительно косились на меня, кто-то даже пальцем у виска покрутил. Сначала я решила, что дело в моем внешнем виде, но,

подойдя к одному из висевших в коридоре зеркал, пришла к выводу, что в принципе все в порядке – юбка на месте, блузка застегнута, волосы слегка мокрые, но это не катастрофа. Из образа выбивалось только ведро с тряпкой, но тут уж, увольте... Накосячил мой кот, значит, и убирать мне! А раз так, я гордость свою могу и поглубже запрятать!

В итоге я дошла до центрального пересечения двух главных коридоров Академии. Здесь было многолюдно, поэтому я решила не стесняться и открытым текстом спросить у кого-нибудь, где же этот чертов кабинет ректора.

Внимательно осмотрев присутствующих, я мысленно, по признаку их одеяния, разделила всех на три группы. Яркие девушки на огромных каблуках и в пышных платьях – это явно фрейлины. В большинстве своем они беседовали либо друг с другом, либо с высокими подтянутыми молодыми людьми в черной форме. Амуниция последних больше походила на стандартные военные костюмы из моего мира – поэтому я пришла к выводу, что это будущие телохранители для королей. Была еще третья категория – парни и девушки в серебристых мантиях. Они в основном имели вид отрешенный, общались только между собой и, судя по всем признакам, являлись аналитиками. Решив, что со своим вопросом проще всего обратиться именно к ним, я подошла к двум девушкам, которые что-то увлеченно разглядывали в здоровенном фолианте, не замечая никого вокруг.

– Добрый день! – вежливо сказала я. – Извините, пожалуйста, вы не подскажете, как пройти к кабинету ректора?

Осоловело подняв на меня взгляды, девушки даже не сразу поняли, что я к ним обращаюсь.

– Что?!

– Подскажите, пожалуйста, где находится кабинет ректора? – медленно начала звереть, потому что в глазах девушек не отразилось даже искры понимания.

– Что? – переспросили они еще раз.

– Как к ректору пройти? – пошла в лобовую атаку и рявкнула я. Вроде умные, аналитики как-никак, а так тупят, хуже, чем первый пентиум.

Непонимающе переглянувшись, они пожали плечами, а потом довольно адекватно объяснили мне дорогу.

«Аллилуйя!» – возликовала я и пошла в указанном направлении.

Триста метров прямо по Горизонтальному коридору, а потом завернуть в шестьдесят третий проход, а после него пятая дверь слева.

Через десять минут я стояла возле назначенного места и любовалась на художества своего кота. Лужица уже давно подсохла, а вот запах метки все еще витал в воздухе. Найдя недалеко от кабинета ректора кран с водой и наполнив ведро, я принялась вручную драить благоухающий после животного пол.

Через полчаса, вымотанная этой грязной работой, но довольная результатом, я уже собиралась вернуться в свой блок, как впереди замаячила наглая рыжая морда. Кот меня не замечал, он увлеченно волок в зубах чью-то тушку, видимо, предвкушая будущую трапезу.

– Ах ты негодник! – крикнула я животному, чем совершила стратегическую ошибку, и с ведром наперевес (ну не оставлять же его у кабинета ректора) кинулась к Лорду фон Мурзу.

Увидев меня, несущуюся к нему навстречу, кот растолковал ситуацию в корне неверно и припустил от меня со всех ног. Не выпуская из челюстей добычу, Мурз неся по бесконечным коридорам, увлекая меня за собой в этот лабиринт. Догнать кота стало делом чести, поэтому я, отчаянно размахивая ведром, мчалась за неугомным животным.

В какой-то момент, как этого и следовало ожидать, я потеряла его из виду и, разумеется, заблудилась.

Остановившись посреди небольшого коридорчика, на развилке четырех дорог, я не понимала, куда мне идти дальше или как вернуться обратно. Ни одного указателя на перекрестке не нашлось.

– Направо пойдешь – жену найдешь, налево пойдешь – с деньгами простишься, вперед пойдешь – головы не сносишь! – пафосно продекламировала я вслух, успокаивая себя.

Решив, что самым логичным в этой ситуации будет либо стоять и ждать, пока меня найдут, либо идти направо за «женой», я поступила как истинная девушка – присела на перевернутое ведро и начала прислушиваться к окружающим звукам. В конце-то концов, там, где шумно, там и люди.

Но вместо отдаленных шуршаний я услышала кое-что получше. Мужской голос поблизости в одном из коридоров кого-то укоризненно отчитывал:

– Я за тобой целый день ношусь! Вот зачем тебе эта крыса?

Без раздумий ринувшись на казавшийся спасительным голос, я пробежала по одному из коридорчиков метров пять и уже на следующем развороте увидела брюнета с волосами до плеч в серебристом плаще, сидевшего ко мне спиной на корточках и разглядывающего моего кота. Животное без зазрения совести и с великой жадностью пожирало тушку отвратительной на вид крысы и выказывало нам пренебрежительное «фи».

– Мурз, зараза, нашелся, паразит! – воскликнула я, кинув ведро на пол, подлетела к коту и схватила его за загривок. – Теперь я тебя фиг куда-нибудь отпущу из комнаты!

– Ваш кот? – обратился ко мне незнакомец, поднимаясь с корточек.

Внешне он был примерно одного возраста со мной, озорные искорки поблескивали в голубых глазах, ну или мне так показалось, что поблескивали. Сейчас я заворожено разглядывала красивое лицо парня и предавалась счастливым девичьим грезам: широкие скулы, волевой подбородок, по-мужски красивые полноватые губы. И если взять в расчет его рост (на две головы меня выше), я бы предположила, что это один из телохранителей, но серебряная мантия намекала на другую специальность.

– Кот мой, – вежливо улыбнулась я парню и представилась: – Эля!

– Какое необычное имя в наших краях. – Он неожиданно закрыл глаза и, словно пробуя на вкус звучание, стал его повторять: – Эля. Эля. Эллочка или Эллечка... Красиво-о-о...

На такую странную реакцию я только ресницами смогла похлопать.

– Глеб, – неожиданно отчеканил он свое имя и протянул мне руку.

Плотнее прижав одной рукой к груди рыжего упирающегося кота, я протянула освободившуюся ладонь для скрепляющего знакомство жеста. И едва не выпустила Лорда из рук, потому что Глеб вместо рукопожатия схватился за мои пальчики и, притянув их к себе, неожиданно поцеловал.

Внутренний романтик в глубине моей души запел.

– Очень приятно познакомиться, прекрасная Эля!

– А вы, наверное, на аналитика учитесь? – ляпнула я, ну не нашлось у меня подходящих к ситуации слов.

У Глеба аж брови на лоб полезли от такого вопроса.

– Почти! – загадочно ответил он. – Я учусь анализировать этот мир, познавать вселенную и ее мотивы, – а затем промолчал и резко предложил: – Эля, а хотите конфетку?

И протянул мне одну из двух шоколадных конфет «Мишки в лесу», извлеченных из

воздуха. Вторую конфету парень развернул сам и, не смущаясь моего присутствия, отправил себе в рот.

Эм-м, странное предложение! Но судя по поведению тех двух девиц в коридоре, все аналитики немного странные! А раз так, сладкое я люблю, грех отказываться!

Взяв конфету, я решительно последовала заразителному примеру. Кое-как развернув обертку одной рукой, достала шоколадную вкуснятину, поднесла ко рту и уже приготовилась откусить от нее кусочек, как резкий удар по ладони выбил конфету из моих пальцев.

– Эй, ты чего? – обиженно возмутилась я. – Что за глупые шутки? Зачем предлагал тогда, если выкинул?

– Синильная кислота, нельзя красивым девушкам конфеты с синильной кислотой кушать, – глубокомысленно изрек Глеб и с видом сумасшедшего ученого поинтересовался: – Эля, а вы в курсе, что ваш кот ест смертельно ядовитых горных крыс? И при этом умудряется не откинуть свои рыжие мохнатые лапки?

После такой реплики я внимательно посмотрела на наглую морду Лорда фон Мурза. Животное выглядело вполне довольным жизнью, умудрялось облизывать свою моську языком и вообще умирающим не выглядело.

– А крыса точно ядовитая была? – решила уточнить.

– Хуже некуда. Ее кровь используют в качестве одного из самых распространенных ингредиентов при изготовлении ядов.

Глеб подошел ко мне ближе и, протянув руку к коту, принялся чесать того за ушком. Пушистый предатель замурчал и перестал вырываться из моего боевого захвата.

– Мурз дворовый кот, ему после московских помоек вообще ничего не страшно.

Кошара тем временем решил сменить место дислокации и теперь настойчиво прорывался на руки к Глебу.

– Исцарапает же, – укоризненно глядя на меня, забеспокоился красавчик. – Может, отдадите его мне?

Я отрицательно помотала головой.

«Ага, счас! Разбежалась и отдала. Вы, аналитики, какие-то странные. Еще на опыты моего кота пустишь. Уж лучше с расцарапанными руками, но с живым Мурзом!»

– Как хотите! Мое дело предложить – ваше дело согласиться, – и Глеб вырвал Лорда из моих рук.

А тот словно этого и ждал, с довольной рожей залез к новоявленному знакомому на шею и разлегся там на манер воротника.

– Предатель! – прошипела я.

Ответом мне послужила странная фраза от Глеба:

– Меня часто посещают безумные мысли, но потом я осознаю, что сам посещаю их.

– Вы однозначно псих! – не выдержала и высказала мнение насчет его душевного состояния.

– Не спорю! Но то же могу сказать и о вас. Ни одна девушка в здравом уме не станет ходить по Академии в одеянии монашки.

– Что-о-о?

– Ваша одежда – черная юбка, белая блузка. Вы только платком пренебрегли, хотя, признаться, я этому рад, – и, бесцеремонно трогая прядь моих волос, воскликнул: – Нельзя! Однозначно нельзя!

«Боже! Куда я попала?»

– Что нельзя-то? – не понимая такой реакции, я уставилась на парня. Мне уже на самом деле страшно становилось. Стою в глухом коридоре в монашеском одеянии с красавчиком-психопатом. Дурдом на выезде.

– Нельзя прятать такие волосы под платком!

М-да, зато теперь до меня начинает доходить смысл косых взглядов местного населения в мою сторону. Еще бы, не каждый день монашки с ведрами по Академии бегают и спрашивают, где же кабинет ректора.

– А зачем вообще тогда эта форма у нас в шкафу лежит, если ее носить нельзя?

– Ее нужно носить, но в положенное время. – Глеб тяжело вздохнул. – Вы же первокурсница, еще ничего здесь не знаете?

Браво! Точное попадание в цель!

– Да, и я заблудилась. – Я состроила жалостливую мордочку и посмотрела большими грустными глазами на мага. – И теперь не знаю, как вернуться обратно в блок.

– Что ж, я готов проводить такую прекрасную даму, как вы, Эля!

А потом я долго вголковывала ему, в каком именно блоке нас поселили. Название «Проход 140» Глебу ни о чем не сказало, он долго смотрел на меня немигающими глазами, а потом попросил карандаш.

– Зачем? – не поняла я.

– Я только что придумал стих, и если не запишу, то завтра уже не вспомню.

«А-а-а, так ты поэт, тогда все ясно. Все творческие люди малость с тараканами в голове. Да и коту ты нравишься, значит, нож из-за пазухи точно не достанешь», – у меня прямо от души отлегло.

– Глеб, – перешла я на «ты», – а давай ты вслух расскажешь, а если забудешь, завтра вместе вспомним, – предложила вариант решения ситуации.

Поэта мое предложение не устроило, и, пробормотав что-то про предательство и засаду, он продолжил смотреть на меня немигающим взглядом.

– О, точняк! – осенило меня. – Рядом с нашим блоком картина висит, называется «Предательство лучшего друга». Огромная такая!

– С копьем летящим? – зажглась искра сознания в голубых глазах.

– Да, она самая.

– Так тут же километра три ходьбы до нее. Пешком долго, да и тебя в таком виде, если еще помаячишь, завтра будет вся Академия высмеивать. В общем, будем телепортироваться!

«Блин! Опять, что ли?» – расстроилась я. Ну не нравились мне растрепанные волосы в разные стороны, после этих мгновенных перемещений.

– А ты точно умеешь? – решила уточнить. – Просто одно дело, когда преподы телепортацией занимаются, а другое – если курсанты... Мы точно в стену какую-нибудь не вляпаемся?

Не отвечая на прямой вопрос, он шагнул ко мне и, положив руки на плечи, вкрадчиво поинтересовался:

– Ты мне веришь?

– Да я тебя десять минут знаю. За это время ты забрал моего кота, пытался угостить конфетой, которую выбил из рук. А теперь спрашиваешь, верю ли я тебе или нет!

– Значит, веришь! – пришел к неправильному выводу Глеб, и в следующий миг яркая вспышка телепортации ударила по моим глазам.

Удивительно, но в этот момент я подумала не о стоящем передо мной сумасшедшем

маге в серебряном плаще, а о том, что ведро с тряпкой так и останутся валяться где-то в неизвестном коридорчике.

Глаза открывала по одному, сначала правый, потом левый. Осмотрелась по сторонам.

Попали мы прицельно в середину общего коридора блока, нигде не застряли, части тела все тоже на месте, и это, несомненно, радовало. Глеб стоял напротив меня, улыбался во все тридцать два зуба и протягивал кота.

– Все, ты дома! – торжественно заявил он. – На чай напрашиваться не буду, но от карандаша не откажусь.

Лорда Мурза у своего спасителя я забрала и с чувством великой благодарности за свое вызволение из бесконечных лабиринтов Академии молнией метнулась в тринадцатую комнату.

С воплем прямо с порога: «Бабы, дайте карандаш!» – я ввалилась в помещение.

– В ящике стола лежала пачка, – указала мне готесса, которая еще пять минут назад занималась тем, что пыталась ровно пройти по комнате на каблуках хотя бы пять метров, но из-за моего эффектного появления произошла катастрофа, и Фиса, потеряв равновесие, зашатавшись, распласталась по полу.

– Через пять минут все объясню, – пообещала я и, вытащив из стола целую упаковку заточенных грифельных карандашей, унеслась, подобно урагану, обратно в коридор к Глебу.

Когда выбежала, поняла, что у нашей телепортации были свидетели, а именно две противные барышни, перемывавшие мне утром кости. И сейчас они изумленно застыли у дверей своей комнаты в ожидании продолжения спектакля.

«Что ж вам, куры, на насестах своих не сиделось. Выперлись, блин!»

Делая вид, что не обращаю на них никакого внимания, подошла к Глебу и протянула карандаши.

– Вот, бери.

– Ты знаешь, уже не надо, – протянул он и так грустно вздохнул, что у меня аж сердце защемило. – Я забыл, что именно хотел записать, и мне, кажется, пора уходить, – и, не прощаясь, исчез в очередной вспышке телепортации.

А я осталась, как дура, стоять с протянутыми к нему карандашами в пустоту.

Из-за моей спины раздался ржач. Причем противный такой, как у лошади. Леди из высшего общества так не смеются.

– Что, рыжая, поматросили и бросили?

– Пусть радуется, что хотя бы проводил. Я слышала, что девушек из низших обычно просто пользуют и бросают там, где взяли!

«Эля, кажется, тебя только что завуалированно назвали проституткой, – прорычало мое озверевшее самосознание. – А значит, у кого-то на голове растут лишние волосы, которые необходимо проредить».

С праведным гневом в глазах развернулась лицом к своим обидчицам. Вот сейчас-то я и смогла рассмотреть их внимательнее. Одна – высокая, черноволосая, с точеными чертами лица и фигуркой, вторая чуть ниже, шатенка, внешностью она уступала своей товарке – толстая и нос некрасивой картошкой, но вот на гадкий язык она, похоже, редкостная мастерица.

– Ванесса, – обратилась она к своей красивой собеседнице, – вы бы смогли надеть на себя монашеское одеяние по доброй воле?

– Дорогая Кларентина, эти безвкусные черно-белые тряпки созданы для неудачниц.

Такую одежду можно надеть только по приказу или во благо Ее Величества королевы Ризеллы. Но по доброй воле никогда! Для фрейлины это – моветон!

– Да бросьте, графиня, – притворно удивилась толстуха. – О какой фрейлине может быть речь, если она в первый же день притащила в женское общежитие мужчину. Позор!

«О, нет! Выдернутые волосы будут для тебя слишком простым наказанием. Боюсь, придется сжечь еще и всю твою одежду!»

– Вы совершенно правы, маркиза. Но вы же понимаете, что даже во дворце должны быть фрейлины, обязанностью которых будет покорно раздвигать ноги, если попросят. Это сделано для того, чтобы честь таких дам, как мы, не пострадала.

– Отчего-то мне кажется, что честь таких дам, как вы, пострадала еще в тот момент, когда вас мозгом обделило, – не выдержала я.

– Ах ты, безродная девка! – вскипела толстуха. – Ты как смеешь ко мне так обращаться?! Для тебя мы – маркиза Кларентина и графиня Ванесса, и никак иначе!

Я искренне расхохоталась. Вот это самомнение, каждому бы такое.

– Для меня ты толстая жирная корова с манией величия, а подружка твоя, – я смерила сверху вниз взглядом ту, которая графиня, – ставлю руку на отсечение, что уже давно не девственница!

О, да, я рисковала, но: «О, боги! Да я вас умоляю, чтобы скромные девственницы так оттопыривали зад при ходьбе и оголяли буфера!»

В подтверждение моих слов Ванесса залилась позорной малиновой краской.

– Пиф-паф, девочки! – делая пистолетик из двух пальцев, я застрелила каждую. А потом гордо удалилась под повисшее молчание в свою тринадцатую комнату.

Злобное шипение, раздавшееся вслед, я за комментарий не посчитала.

Тяжело в ученье, легко в бою.

А. В. Суворов

Утро, как и пообещал Арвенариус, началось в шесть часов с могильно-завывающей сирены, от которой даже зомби из гроба восстать могут.

– А это типа будильник, – пытаюсь отгородиться от звука подушкой, прокомментировала Крис. Но уже через минуту, поняв всю тщетность утреннего бытия, рассеянно оглядываясь на ничего не понимающих меня и Анфису, встала с кровати. – Если так будет на протяжении всех пяти лет, то жизнь у фрейлин, по ходу, очень хреновая.

Я отчаянно пыталась продрать глаза и скинуть с себя оковы так и не досмотренного сна. Снилось мне полнейшая ересь: кот, который поедал тушку ядовитого Арвенариуса, и Троя, хлеставшая Глеба, привязанного ремнями к кровати.

«Маразм крепчал, и мысли гнулись, Мой бедный мозг сходил с ума. Эльвира, вы, кажется, рехнулись!» – Пропела я себе сама.

А потом на меня вдруг резко и ни с того ни с сего напала жажда бурной деятельности. Я вскочила с кровати и принялась измерять комнату шагами.

Пока рядом вяло копошилась моя разноцветная подруга, а Крис умывалась, я уже выстроила план действия на день!

Первым делом я подлетела к шкафу и, рывком раскрыв его дверцы, достала оттуда туфли и три самых, на мой взгляд, эффектных платьев – ярко-красные, с черными вставками.

– Сегодня мы пойдем на занятия в этом! – огласила я свой вердикт, когда из ванной появилась уже посвежевшая Крис.

– Эль, ты издеваешься? – возмутилась Фиса. – Я в этом не пойду! Еще с вечера я себе выбрала более-менее адекватный наряд, – она кивнула на что-то белое, лежащее на стуле.

Но меня ее выбор не впечатлил, поэтому я решила приводить аргументы:

– Бабы, мы на войне! Вчера, походив по этой Академии, я поняла, что скромность и добродетель здесь явно не в почете. Выживают сильнейшие и наглейшие! И судя по куче факторов, нас с вами уже готовы списать со счетов. А еще, – пальцем указала в сторону, где располагалась комната «маркизы и графини», – у нас здесь уже появились враги, которых необходимо поставить на место! И раз мы в одной лодке, то давайте с первого же дня всем покажем, на что мы способны!

Анфиса показательно зевнула и поплелась к стулу, на котором висело ее белое платье:

– Все, конечно, круто, Эль! – начала она. – Но не убедительно! Такие речи прокатывают только в американских фильмах про солдат! Поэтому ты надевай все, что захочешь, а я то, в чем смогу пройти два метра, не рухнув на землю.

«М-да, вот так и умирают гениальные идеи! Разбиваются о чужое упрямство».

– Крис, а ты что думаешь?

Неужели даже она меня не поддержит?

– Я думаю о том, что первой парой у нас физкультура. И меня больше всего пугает отсутствие кроссовок в нашем гардеробе.

– Крис, я тебя ненавижу! – пыхтела я, еле передвигая ноги и спотыкаясь на каждом шагу. – Ты накаркала!

– Разговорчики в строю! – прикрикивала на нас Троя и, придавая моральное ускорение, угрожающе щелкала хлыстом в воздухе. – Еще восемь кругов по стадиону! Не сбивать строй! Бежать тройками!

«Это не академия, это филиал садизма на параллельной Земле!» – мысленно выла я.

Сегодня Троя Александровна оделась в ярко-алый латексный костюм, он так же, как и вчерашний, облегал ее стройную фигуру, а вот испепеляющая огненная плеть была заменена на обычный хлыст. И теперь дьявольского вида преподавательница наблюдала, как пятнадцать будущих фрейлин совершают забег по стадиону на десять километров. Бежали курсантки отвратительно, через каждые десять метров кто-то обязательно падал, подвернув ногу на десятисантиметровых каблуках, или запутывался в складках длинных платьев. Четыре уже валялись в обмороке, по дурусти нацепив на урок физкультуры плотно затянутые корсеты.

– Вы должны осознать, – поучала женщина, – на королевской службе все пять лет вы будете работать на каблуках и в платье. Поэтому должны привыкнуть уже сейчас к физическим нагрузкам в любой одежде или обуви. Бег – это только начало, уже через месяц мы начнем практиковать прыжки в длину или с разбега. А со второго семестра приступим к изучению основ рукопашного боя. К пятому курсу тройное сальто с места станет для вас плевым делом. Поэтому оставьте стенания слабым соплячкам, которые остались дома.

Каждое свое предложение Троя отделяла от другого ударом хлыста, что особого оптимизма и воли к победе не добавляло.

Хуже всего были потери в нашем личном составе. За те четыре круга, которые мы уже пробежали, Анфиса все же вывернула ногу, поэтому сейчас я и Крис, обхватив нашу готессу под белы ручки, пытались волочить ее на себе. Выходило плохо, Крис задыхалась, все же ее лишний вес давал о себе знать, а мое откровенное, красивое и самонадеянно надетое красное платье мешало и постоянно путалось под ногами. В общем, если к концу забега я не упаду и не расшибу себе нос, это станет великим достижением.

На седьмом круге выбыла Крис. Я еще кое-как держалась, но выходило все хуже и хуже с каждым шагом. Наша тройка выглядела, как побитые жизнью инвалиды: хромаем, еле дышим, падаем через метр.

– Все, хватит! – прозвучал спасительный голос нашей мучительницы. – Можете остановиться.

Но вместо этого мы просто безжизненно опали на пол. По фигу, что каменный, все равно что холодный, главное – просто сидеть и не шевелиться.

– Это отвратительно, – возмущалась Троя, – из пяти троек кое-как пробежать семь кругов смогли только две. Итог первого занятия: четверо лежат в обмороке, у двоих сломаны ноги и еще пятеро с вывихнутыми лодыжками. А ведь завтра у нас с вами второе занятие! – сокрушалась преподавательница.

«Блин, надо было вчера есть эту конфету. Вероятнее всего, Глеб хотел меня спасти от обучения здесь. Просто способ выбрал нестандартный».

– В общем, раненых на скамейки перенесите, их сейчас санитары заберут, – приказала

садистка. – Оставшиеся идут дальше на занятия! У вас сейчас основы этикета с Терцией. Вот уже где-где, а там вам мои уроки раем покажутся! – непонятно на что намекая, поехидничала Троя и выгнала нас со стадиона.

Хотя стадионом его было все же сложно назвать, так, спортзал-переросток, с длинными беговыми дорожками по периметру.

– Что-то меня пугает ее понимание рая, – прошептала мне на ухо Крис. – Мне кажется, хуже уже не может быть.

– Я уже боюсь что-либо предполагать.

Оказавшись в коридоре, мы стали прикидывать, где будет проходить следующее занятие. Судя по указателям, предстояло пройти до конца пролета, а потом спуститься по лестнице в одно из подвальных помещений.

Смирившись со своей ужасающей долей, мы устало поплелись искать аудиторию, в которой обитала таинственная Терция. До конца коридора, по ровному полу, мы дошли без проблем, а вот со спуском по лестнице они возникли. Подкашивающиеся ноги отказывались поддерживать брэнное тело и норовили отправить меня в неповторимый полет.

Когда я преодолела примерно половину пути, поняла – черт с ним, с этим красивым внешним видом, но туфли лучше снять. Держась за перила одной рукой, я с блаженной улыбкой стянула с ног жутко красивые и неудобные кандалы.

«Это божественно! И по-любому круче, чем оргазм!» – я пребывала в эйфории и витала в облаках удовольствия.

А в следующий миг, облегченно шагнув босиком на ступеньку вниз, поняла, что пропала.

Потому что единственным, что меня раньше спасало от наступания на подол своего длинного до пола платья, были эти самые злосчастные каблукы. И теперь, став на десять сантиметров ниже, я всем весом ступила на юбку и подтолкнула себя к полету в бездну.

В первую секунду я, кажется, даже закричала и попыталась балансировать руками, в надежде на спасение. А потом, когда ничего не получилось, почувствовала себя птицей, ровно до того момента, пока не стукнулась головой об перила. И, уже теряя сознание от сильнейшего удара, поняла, что меня подхватывают чьи-то сильные руки.

* * *

Неприятный резкий запах нашатыря ударил в нос, приводя в чувство и заставляя открыть глаза.

– Ну что, очнулась, птица лестниц? – Надо мной стоял незнакомый седовласый мужчина в белом халате и внимательно вглядывался в мое лицо, а потом, неожиданно посветив мне в глаз ярким огоньком, удовлетворился увиденным. – Реакция на свет нормальная, теперь язык покажи!

– А-а-а-а, – на автомате послушалась я.

– Все, можешь спрятать.

Выполнив, я начала озираться по сторонам в поисках ответа, где же все-таки нахожусь. На больничную палату это походило мало, а вот на игровую в детском садике вполне – стол, стул, кушетка, на которой лежу, и стены светло-зеленого цвета, разукрашенные в огромные цветочки и летающие бабочки. Может, приемный покой?

Просто последнее, что я помню, – это эпическое падение с лестницы, а значит, отволочь меня в случае чего должны были именно в местный медпункт. Но сейчас я себя ощущала вполне прекрасно. Голова не болела, торопливое ощупывание частей тела обрадовало отсутствием набитых шишек.

– А где я? – спросила у осматривавшего меня мужчины. Он сейчас сидел за столом и что-то записывал в небольшой свиток.

– А на что похоже?

– На детский садик, – киваю в сторону веселой расцветки стен.

– А так? – Мужчина постучал по ближайшей к себе каменной кладке, чем заставил рисунок на ней измениться с весенне-цветочной на бледно-тоскливую больничную картинку.

– Было лучше.

– Отлично, Савойкина. Так и запишем, психологическое состояние в норме, при пробуждении предпочитает «детский садик».

– Так я в больнице?

Мужчина смерил меня взглядом и продолжил заполнять свиток, который, видимо, являлся моей медицинской картой.

– Привыкайте, первокурсники у нас часто бывают, особенно после физкультуры. Хотя, признаться, вы отличились – свалиться на голову начальнику службы безопасности в первый же день учебы – нужно иметь особое везение.

– Мне показалось или вы сейчас это с жутким сарказмом сказали? – осторожно спросила я.

Лекарь таинственно улыбнулся, но отвечать не спешил.

– Вы удивительно непосредственны в своих вопросах, Савойкина! Кстати, долго еще сидеть тут собираетесь? Может, все же на занятия пойдете?

– А что, можно уже? Я же вроде как головой ударилась.

– И что теперь? Мне сплясать из-за этого перед вами?! На выход и вперед на занятия. И подругу свою Анфису Белову из соседнего покоя заберите, у нее нога уже зажила минут как десять назад.

«Пошли отсюда, Эля. Нам здесь не рады», – пришла я к такому выводу и, решив ничему не удивляться, встала с кушетки и отправилась к выходу. Самочувствие было на удивление превосходным.

Анфису я нашла буквально за соседней дверью, в огромном помещении, заставленном больничными кроватями, на половине из которых возлежал наш пострадавший на уроке физкультуры первый курс. Между койками суетились пятеро санитаров и медсестер, подбегая то к одной, то к другой якобы «умирающей» пациентке. Громче всех собирались «отправиться на тот свет» графиня Ванесса и маркиза Кларентина.

«Ага, шаз! Не верю! Халтура! Переигрываете!» – сказал бы Станиславский и выгнал обеих из театрального института.

Вид эти две стервы имели весьма здоровый, но всем своим томным фейсом симулировали самые тяжелые диагнозы, которые только можно представить.

– Мне кажется, мое сердце вот-вот остановится... Умоляю, похороните меня на родовом кладбище!

– Я не чувствую своих ног! – вопила толстая коровушка.

– Тогда я несу топор – будем ампутировать! – огрызнулась ей в ответ одна из медсестер.

– Да что вы себе позволяете! – визжала маркиза. – Я требую врача!

– Психиатра? Это легко устроить.

Мысленно пожелав «дворянкам» приятного общения с мозгоправом, я направилась к Анфисе. Готесса возлежала на одной из кроватей и наблюдала за театральным представлением, которое устроили две зазнавшиеся кумушки. Едва я подошла к разноцветной, девушка соизволила отвлечься на меня.

– А ты здесь какими судьбами? – поинтересовалась она.

– За тобой пришла. Мне сказали, что тебе уже легче.

Пожав плечами, Фиса тяжело вздохнула и с легкостью поднялась с кровати. Засунув ноги в стоящие рядом с койкой туфли, она вздохнула еще горестней и, подняв на меня взгляд, пояснила:

– Магия! После того как нас сюда приволокли, пришел врач, пошептал что-то на ногу и сказал, что через полчаса все могут расходиться на занятия.

– То есть в случае чего даже поболеть в кайф нам никто не разрешит, – сделала я трагический для всех лентяек и симулянтток вывод.

После моего общения с врачом подкашивающиеся ноги больше не болели, и на каблуках я вышагивала с новыми силами и уверенностью.

Сейчас мы шли по Вертикальному центральному коридору, и если судить по тишине и отсутствию вокруг курсантов, занятия уже начались. А раз так, то мы с Фисой пытались логически подойти к решению вопроса – идти нам на половину пары по этикету или забить на это дело.

– Зайдем, поздороваемся, извинимся! Все как в школе.

– Меня пугает предупреждение Трои о том, что урок этикета похож на ад. Может, не пойдем? – все же сомневалась я в здравости идеи вообще идти на пару. – Давай лучше сразу на историю, а лекцию потом у Крис перепишем.

– Прогулы с первого дня учебы – это идеальное начало для иномирянки! – послышался позади чей-то недобрый голос.

Я резко развернулась, чтобы ответить в грубой форме тому, кто так нетактично вмешивается в чужие разговоры, и тотчас же осеклась. Потому что передо мной стоял очень злой и раздраженный высокий блондин суровейшего вида. Его длинные прямые волосы плавно ниспадали вниз и закрывали половину лица. Незнакомец гневно возвышался передо мной и пристально высверливал взглядом.

– Прискорбно осознавать, что с каждым годом курсантки из Внешнего мира становятся все ленивее и безмозглее. И кроме как ходить в красивых платьях и падать на преподавателей с лестниц, ничего не умеют.

Блин! Это же надо так глупо спалиться с планом прогула перед кем-то из преподав!

Судя по внешнему виду мужчины и его одежде – это был точно не курсант. Рубашка с длинными рукавами, сшитая из черной плотной ткани, строго застегнутая на все пуговицы, плотно облегающие брюки, подчеркивающие накачанную мускулатуру, а еще перевязь с целым арсеналом метательного холодного оружия – все это выдавало в нем кого-то очень непростого. В общем, осознав, насколько сильно я только что подставила себя и Анфису, решила выкручиваться в срочном порядке:

– Извините, пожалуйста, господин... м-м-м, – тут возникла логическая пауза. Имени-то я не знала.

– Эридан, – сухо подсказал мужчина.

– Господин Эридан. К сожалению, мы не совсем еще знакомы с правилами Академии и поэтому не знаем, имеем ли право являться на занятия в середине пары. Из-за этого я взяла на себя некую смелость предположить, что логичнее было бы пойти сразу на следующую по расписанию – историю.

«Ай да я, ай да молодец! Ни фига себе, речугу толкнула!» – Я гордилась собой, но, как выяснилось, рано.

Потому что у блондина гневно заиграли желваки на челюстях. Он молниеносным движением откинул с лица прядь волос и резко навис вплотную надо мной.

А я парализованно застыла, потому что из-под волос обнажилось нечто, заменившее Эридану глаз – мертвенно-голубой камень в золотой оправе, плотно вставленный в его глазницу. Это заставило меня вздрогнуть от нахлынувшего ужаса. Чем бы оно ни было, но от предмета исходили пронзающие меня насквозь, словно рентгеном, волны.

– Девочка, ты в курсе, что это такое? – прошипел мужчина.

– Н-н-нет. – Голос отказался подчиняться, что повергло в шок даже меня. Не ожидала я такой предательской реакции от собственного тела.

– Это родовой артефакт «Орлиный глаз», и он позволяет мне видеть и ощущать то, чего не замечают другие, – гневно шипел злыдня. – Я увидел, как сузились твои зрачки, когда лукавила, как участилось твое дыхание, когда врала, и я вижу, как бьется сонная артерия на твоей шее от пронзающего ужаса. Поэтому впредь советую никогда не обманывать меня, иномирянка! Не обманывать, ТЕМ БОЛЕЕ – меня!

Я беззвучно хватала воздух ртом, не в силах что-либо ответить! Мне действительно было страшно, этот мужик меня не по-детски напугал.

– И я бы советовал быть более благодарной тем, кто спасает ваше никчемное тело, падающее с десятиметровых лестниц. – После этих слов мужчина отстранился и, приняв надменную позу, брезгливо произнес: – С такими манерами ваша тройка не удержится долго в стенах Академии.

Все это время так же ошарашенно стоявшая рядом со мной Анфиса внезапно опомнилась и, больно схватив меня за локоть, торопливо залепетала:

– Мы осознали свою ошибку, господин Эридан. Мы немедленно исправимся и сейчас же пойдем на положенные пары.

– Я рад, что хоть у кого-то из вашей тройки мозг находится в положенном для него месте. Хотя ваш цвет волос – ужасен! Отвратительнее, чем он, только ваша манера украшать себя проколами! Советовал бы избавиться и от одного, и от второго!

Нервно кивая, Фиса схватила меня еще сильнее и принялась утаскивать от неприятностей, в которые мы только что вляпались.

– До встречи на занятиях, курсантки! – послышался вслед голос мужчины, отчего у меня аж мурашки по коже пробежали.

Наверное, наше резкое желание пойти на пару по этикету можно было определить только одним понятием – позорное бегство от зловещего Эридана. Что-что, а жуть этот тип умел наводить мастерски, чего только его «голубой глаз» стоит. Бр-р-р... до сих пор сердце колотится как бешеное.

– Ужасный мужик, – пробормотала Фиса. – Отвратительнее его характера может быть только то, что он наш будущий препод. И ты, Эля, кажется, серьезно влипла, попавшись ему на глаза... А следовательно, и мы вместе с тобой....

– О нет! Вляпалась я еще в тот момент, когда свалилась на него с лестницы! Похоже,

надо было вчера есть чертову конфету, которую мне предлагал тот сумасшедший аналитик.

* * *

Той же темной ночью Лорд Оттон Штраус фон Мурз занимался самым важным занятием в жизни любого кота, а именно – выслеживал добычу.

Чуткая душевная организация животного требовала от него беспрекословного подчинения инстинктам – пожрать, поспать и валерьяночки. А еще Мурзу хотелось экшена и приключений. Поэтому сейчас он совмещал приятное с полезным – выслеживал очередную горную крысу, для того чтобы притащить ее мертвую тушку под дверь главного хозяина своего нового огромного дома, в который волей судьбы кота занесла нелегкая жизнь.

Четыре зубастых трупики уже лежали штабелечком возле кабинета ректора, но Лорд Мурз любил, чтобы все было по фэн-шую, и поэтому сейчас готовился убить пятую жертву. Ей котяра планировал выпотрошить брюшко и художественно выложить Филонию Милонскому целое сочинение из крысиных внутренностей, о смысле кошачьего бытия и безграничном уважении к директорскому составу Академии.

По мнению животного, Филоний был настолько крут, что не удостоить такую выдающуюся фигуру подношениями из целой горы свежего аппетитного мяса было бы фатальным невежеством со стороны благородного представителя кошачьих.

Последняя крыса была достигнута где-то между лекционным залом по аналитической магии и библиотекой. Уродливое чешуйчатое создание лишь отдаленно напоминало привычных московских грызунов – лысое тельце, длиннющий хвост, ярко-красные глаза и огромные клыки, которые постоянно задевали пол в процессе перетаскивания добычи к ее будущей братской могиле – напротив кабинета ректора.

Самого Милонского «дома» не было, поэтому Лорд фон Мурз со всей старательностью исполнил адский план и попутно даже полакомился вкуснейшим нежным мясом местной крысятины. Довольный рыжий гад горделиво огляделся на плоды своей работы и в предвкушении будущей благодарности за столь прекраснейший дар ректору помчался совершать новые подвиги на благо Великого дома.

Но далеко уйти не удалось, цепкое кошачье обоняние учуяло абсолютно новый для себя запах – манящий, неповторимый, влекущий.

«Наверное, так должны пахнуть приключения», – решил кот и без раздумий направился к ним навстречу. Ведомый предвкушением неизведанного, Мурз целенаправленно следовал по коридорам за неуловимым флером загадочного аромата. Множество переходов и перемычек коридоров были преодолены котом за считанные минуты, кое-где приходилось срезать путь через дыры в древних стенах или крысиные лазы, пару раз прошмыгнул вверх по нескольким очень высоким лестницам. Но куда бы ни вел кота чудесный запах, животное уже понимало: любые усилия окупятся с лихвой.

А вот он, финиш!

Лорд фон Мурз аж замурчал от предвкушения будущего кайфа.

«Это, должно быть, вкуснее валерьянки! Лучше, чем кошачья мята! Идеальнее, чем ночь с молодой трехцветочкой!»

От цели отделяла лишь дверь, которая непреодолимой стеной возвышалась перед животным, обламывая все надежды.

– Мяу-мяу-мяу! – возмущенно заголосил Мурз, что в переводе означало: «Эй, вы! Открывайте! Я пришел!».

Удивительно, но с той стороны кота услышали и дверь открыли. На пороге стоял мужчина, коту он показался смутно знакомым и приятно пахнущим, а вот сам открывший Лорда Мурза узнал сразу:

– Привет, чудный мягкий рыжий кот! – подхватывая на руки животное, громко и радостно пропел парень в серебристом плаще и принялся чесать кота за ушком.

Одежда человека была просто насквозь пропитана этим чудесным непередаваемым запахом, что вызвало у кота припадок эйфории и неконтролируемый приступ феноменально громкого урчания.

– А где твоя хозяйка? – поинтересовался мужчина, заноса кота в комнату и закрывая за собой двери.

Мурз только фыркнул. По мнению кота, хозяев у него не было, нет и быть по определению не может. Более того, всех людей кот делил на несколько типов: тех, кого он уважал (как ректора), тех, кому хочется выцарапать глаза (как повару на кухне, который отобрал ворованные сосиски), и тех, кому можно разрешить погладить себе пузико.

Мужчину с черной шерстью на голове фон Мурз отнес к последнему типу, тем более что влекущий запах внутри его комнаты только усилился.

– Мя-мя-мя-мя, – только и смог выдать из себя кот. И в попытке выпросить чуть-чуть этого неведомого лакомства преданно взглянул в лицо черноволосого.

Но тот порыва кошачьей души не понял и, продолжая гладить рыжего за ушком, удалялся в глубь комнаты, пока не дошел до кровати.

– Ну, раз пришел, то оставайся. – Зельевар аккуратно выпустил животное на пол, а сам с размаха рухнул на огромную постель.

Устал я, кот! Устал как вол! Мне хочется любви и страсти! Но лишь холодный морга стол Закончит бал пиковой масти!

Лишь серый тусклый лунный свет Покой несет душе мятежной Ответь же, кот, скажи же мне! Уйду ли я от кары вечной?

Мои безумные слова, Что разрывают смысл сознания... Терзает сердца стук луна Своим серебряным сияньем!

[Купить полную версию книги](#)